

ТАШ ЭНИКЛИС

НАСЛЕДНИКИ ПОЛК

18+

Таш Эниклис

Наследники. Полк

<https://litres.ru/74627643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кзальдр повержен, но Батькову с Горским не до передышки. Полк собран, а те, кто годами ждал пробуждения их крови, до сих пор говорят далеко не все.

Вместе с воспоминаниями Добрыни о детстве возвращается и другая правда. И чем больше они с Батьковым узнают, тем меньше уверены, что врагов нужно искать среди нечисти.

Но в Стасе просыпается сила, которую уже однажды удержали ценой человеческих жизней. И Станиславу придется решить, как спасти всех, не потеряв ее...

Содержание

Дисклеймер	4
От автора	5
Глава 1. Новый полк	6
Глава 2. Старый полк	23
Глава 3. Древний полк	41
Глава 4. Старый полк	59
Глава 5. Новый полк	88
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Таш Эниклис

Наследники. Полк

Дисклеймер

Предупреждение для читателя

Данное художественное произведение содержит сцены и темы, которые могут быть тяжелы для восприятия некоторой аудиторией, включая:

- табакокурение;
- сцены насилия, жестокости и убийств;
- описания смерти и психологически напряженных ситуаций.

Книга предназначена для зрелой аудитории.

Если перечисленные темы вызывают у вас дискомфорт, тревогу или сильные эмоциональные переживания, рекомендуем воздержаться от чтения.

Автор не пропагандирует употребление алкоголя и табакокурение и рекомендует придерживаться здорового образа жизни.

От автора

Дар можно унаследовать. Вместе с ним достаются чужие ошибки, недоговоренная правда и война, которую никто из наследников не выбирал. А вот кому доверить свою жизнь, каждый решает сам.

«Наследники. Полк» — четвертая и заключительная книга цикла «Наследники». Мы снова возвращаемся в Рудноград, чтобы узнать, с чего все началось, о чем молчали выжившие и почему за некоторые решения до сих пор расплачиваются по праву наследия крови. Здесь сойдутся истории трех поколений Охотников — тех, кто начал эту войну, тех, кто не сумел из нее вернуться, и тех, кому предстоит идти дальше.

Эта история о любви, ради которой пытаются уберечь от любой боли и порой причиняют самую страшную. О вине, с которой живут годами, и доверии, без которого даже Главный остается один.

Рудноград открывает нам свои двери в последний раз. Пора узнать, кто останется рядом, когда полк узнает всю правду.

Таш Эниклис

Глава 1. Новый полк

Оксана успела закрыть его собой, прежде чем белая полоса пересекла площадку и ударила в стену. Из-за плеча матери Рамон видел край черной плиты, окровавленную руку Стаса и Стасю, которая стояла над ним, запрокинув белое лицо. Она кричала, а лед разбежался от ее ног, ломал камень и поднимался по стенам. Ткань на рукаве Оксаны затвердела, когда мороз прошел совсем рядом.

Рамон рванулся к плите. Мать ударилась спиной о стену, но удержала его и прижала к себе так, что стало нечем дышать.

— Не лезь! — крикнула она ему в ухо и закрыла ладонью затылок. — Сиди здесь, слышишь меня?

Он толкнул ее еще раз, получил локтем под ребра и перестал вырываться. Руки Оксаны ослабли, хотя от себя она его не отпустила. Рамон резко сел у стены и закрыл глаза. Мать опустилась следом, позвала его и встряхнула за плечо, но он смотрел на Батькова, пока крик Стаси не отдалился, а вместо камня под пальцами промялась влажная земля.

— Значит, ее можно остановить, — сказал Стас. Он стоял у самой воды спиной к Рамону и смотрел на Большака.

Темная вода лежала перед ними без единой ряби. Большак стоял рядом со Стасом и опирался ладонью на топор. Белые полосы в воде доходили до его ног и исчезали. Древ-

ний охотник смотрел на Батькова и молчал.

— Тогда пошли, — сказал Рамон. Стас резко обернулся, в два шага оказался рядом и схватил его за куртку.

— Какого хрена ты сюда полез? — Батьков встряхнул его и сразу разжал пальцы, когда Рамон скривился. — Ты где был?

— Возле стены. Мама меня закрыла, — Рамон поправил ворот куртки и указал на берег, откуда пришел. — Я за тобой. Пошли.

— Один пойдешь, — Стас развернул его за плечи и подтолкнул вперед. — Давай, пока дорогу помнишь.

Рамон уперся ногами в мокрый песок, вывернулся и вцепился в его запястье. Стас попытался освободиться, но он сжал пальцы крепче.

— Она стала вся белая и теперь замораживает Келью! Никого не слышит, даже тебя не видит! Ты же знаешь, как ее остановить! Так что хватит меня выпроваживать!

Стас посмотрел на него, потом на Большака и снова взял Рамона за плечо. Он тоже обернулся к древнему охотнику, но тот остался у воды и не двинулся к ним.

— Я умер. Ты меня отсюда не вытащишь.

— Я попробую, — Рамон перехватил его руку крепче. — Ты нужен полку. Волковой, Горскому, Стасе. Мне тоже нужен, если тебе обязательно перечислить всех!

Батьков разжал его пальцы один за другим и отступил, преграждая дорогу к воде. Рамон тут же сместился в сторо-

ну, но Стас покачал головой.

— Ничего ты пробовать не будешь. Я тебя знаю: полезешь вперед, а потом придется спасать тебя. Уходи, Рамон.

— Не надо меня спасать. Мы выйдем вместе, — он попробовал обойти Стаса справа, получил ладонь в грудь и сел прямо на песок. Подняться не спешил. — Без тебя дорогу не открою.

— Откроешь, — Стас схватил его под мышки и поставил на ноги. — Еще как откроешь, когда я тебя до нее дотащу. Или по шее получишь.

Рамон отскочил и попятился к воде, не сводя с него глаз. Батьков двинулся следом, и тогда он поднял ногу над темной гладью.

— Подойдешь — прыгну. Потом будешь ловить меня неизвестно где.

— Я тебя сейчас здесь придушу, и ловить не придется, — Стас остановился, но руки не опустил. — Отойди от воды.

— Сначала согласись, — потребовал Рамон и опустил ногу ниже. Подошва коснулась воды, от нее разошлись круги.

— Рамон, — позвала Оксана у него за спиной. — Отойди. Сейчас же!

Он едва не оступился и резко обернулся. Мать шла вдоль воды, придерживая бок, на волосах и плечах белел иней. До сына она добралась, не остановившись ни разу, ухватила его за подбородок и повернула к себе.

— Ты совсем с ума сошел? Я тебе что сказала?

— Мам, я его нашел, — Рамон поймал ее за локоть, когда она качнулась. — Он идти не хочет!

— С этим разберемся, — Оксана провела ладонями по его плечам и груди, а потом оттеснила от воды. — Стас, Рамон тебя выведет. Идите.

— Забирай сына и уходи, — Батьков встал перед ней. — Я остаюсь.

— Там ты нужнее, — Оксана указала на Рамона. — Не трать время, которого у них и так нет.

— А здесь кто останется? — спросил Стас и не дал ей отвести взгляд. — Он?

Оксана не ответила и не отвела глаз. Ее руки соединились перед грудью, а Рамон схватил мать за запястье прежде, чем она успела сделать что-нибудь еще.

— Нет. Даже не думай! — он потянул ее за собой, но Оксана уперлась ногами в песок. — Мы все уходим.

— Навь не отпустит всех. Я удержу вас путь, а ты выведешь Стаса, — она обхватила его запястье, прижав пальцы к пульсу. — Другого времени нет.

— Ты обещала, что теперь мы вместе! — Рамон ударил по ее руке, но пальцы не разжались. Берег качнулся, ноги стали тяжелыми, и пришлось ухватиться за плечо матери. — Не смей опять решать за меня!

— Я за тебя ничего не решаю, — Оксана притянула его к себе и удержала, когда колени подогнулись. — Решаю за себя.

— Хватит! — Стас оторвал ее руку от Рамона и толкнул парня себе за спину. — Уходите оба! Останусь Я! Как и должен.

— И кто тогда остановит Стасю? — Оксана обошла Батькова, снова взяла сына за руку и не позволила ему спрятаться за ним. — Ты уже знаешь, что делать. Возвращайся и делай.

Стас посмотрел на Большака. Тот опустил топор с плеча и поставил рукоять на песок.

— Не нравится выбор — измени, — сказал он и повернулся к воде. Батьков шагнул к нему, но Большак даже не обернулся. Оксана прижала пальцы к запястью сына, и холод поднялся до локтя.

— Мама, перестань! — Рамон попытался разжать ее руку, но своя уже не слушалась. — Мы найдем другой способ! Я найду! Только пойдем со мной!

— Найдешь, — Оксана коснулась его щеки и потянула к себе. — Но сначала вытащи Стаса.

— А ты здесь одна останешься? — он хотел оттолкнуть ее, но вместо этого навалился всем весом и сжал куртку на спине. — Нет, мам. Я не согласен.

— Я тебя дождусь! — она обняла его крепче и прижала губы к волосам. — Ты только вернись.

Рамон вцепился в ее куртку. Он хотел удержать мать, но пальцы слабели один за другим, а ноги уже не держали. Оксана целовала его волосы и гладила по затылку, как делала дома, когда он просыпался после Нави и никак не мог по-

нять, где находится.

— Я останусь сам, — выговорил он ей в плечо. — Он нужнее, а я смогу.

— Мне нужнее ты, — сказала Оксана и поцеловала его в висок. — Поэтому не проси.

Она провела ладонью по его спине. Рамон повис на ней, продолжая цепляться за куртку, а Стас подхватил его сзади и потянул к воде.

— Отпусти меня! — Рамон ударил его локтем, попал в край прорехи на груди и провалился рукой в ледяную пустоту. — Стас, сволочь, отпусти!

— Мы что-нибудь придумаем, — Батьков перехватил его выше и прижал обе руки к груди. — Обещаю.

— Ты даже не понял, что он сказал! Ты не знаешь как!

— Узнаю. Живым разберусь, — Стас потащил его дальше, пока Оксана отцепляла от своей куртки ослабевшие пальцы сына.

Рамон кричал и бил Батькова пятками по ногам, а вода уже доходила до коленей, хотя Стас оттаскивал его от берега. На мокром берегу Оксана соединила руки перед грудью и удерживала дорогу, не отводя от сына глаз. Большак стоял возле нее, но даже не попытался остановить уходивших.

— Я вернусь за тобой! — Рамон рванулся из рук Стаса, но тело больше не слушалось. — Слышишь, мама? Я тебя вытащу!

Оксана кивнула и прижала ладонь к губам. Вода подня-

лась до лица, а последним Рамон увидел, как мать дернулась за ним и остановилась на мокром берегу.

Он захлебнулся криком и открыл глаза. Оксана по-прежнему закрывала его собой, прижав к стене, ее рука лежала поперек головы. Рамон ухватил мать за плечи, но она обмякла и начала заваливаться набок. Он с трудом выбрался из-под нее, подхватил и усадил рядом, придерживая затылок ладонью.

— Мам? — Рамон похлопал ее по щеке и позвал громче, когда голова опустилась ему на грудь. — Открой глаза. Мы вернулись.

Оксана не шевелилась. Он приподнял ее подбородок, прижался ухом к губам и замер, стараясь отделить слабое дыхание от крика Стаси. Теплый воздух коснулся щеки. Рамон нашел пальцами пульс на шее, сбился на третьем ударе и начал считать заново, пока не убедился, что следующий обязательно придет.

— Я Стаса привел, — сказал он, растирая ее щеку. — Мам, слышишь? Я все сделал, теперь просыпайся.

Белая полоса ударила в стену над ними, прошла вниз и остановилась возле его колена. Рамон подтянул мать к себе, накрыл ее голову руками и отвернулся. Лед треснул совсем рядом, мороз прожег мокрые брюки, но дальше не двинулся. Вихров успел отдернуть Волкову от другой полосы и вместе с ней отступил к желобу.

Хриплый вдох Рамон слышал даже сквозь ее крик. У

плиты шевельнулись пальцы, царапнули лед, и Батьков выгнулся, пытаясь втянуть воздух. Кровь снова хлынула из раны на груди, прошла под спиной и растеклась по белому камню.

— Стас! — Рамон прижал Оксану крепче, когда тот перевернулся на бок и закашлялся. — Ты меня слышишь?

Батьков даже не повернул голову. Он уперся ладонью в плиту, попробовал подняться и сразу упал на локоть. Мороз уже закрыл рукав до плеча, однако Стас подтянулся ближе к Стасе и потащил за собой неподвижную ногу.

— Стася! — крикнул он, ударив ладонью по камню. — Я здесь!

Она стояла над ним с запрокинутым лицом. Стас добрался до ее ног, ухватился за затвердевший брюки, но покрытая инеем ткань выскользнула из пальцев. Кровь оставалась на льду после каждого движения, дыхание обрывалось кашлем, и все же он снова потянулся к ней.

— Посмотри на меня! Стася!

Крик стал громче. С потолка сыпалась каменная крошка, вода в желобе поднялась и застыла у края. Одна из белых полос повернула к плите, прошла по руке Батькова и добралась до плеча.

Рамон позвал Стаса, но тот не отозвался, а подтянулся еще раз и приподнялся на локте. Голос сорвался прежде, чем он договорил:

— Ты мне нужна! Я тебя люблю!

Крик Стаси оборвался. Она опустила голову, и в белом лице появилась первая трещина. Тонкая линия пересекла щеку, ушла к виску, лед раскололся у губ и осыпался на грудь. Мороз на руке Батькова остановился, а белая полоса возле Рамона потемнела и растеклась водой по камню.

Стася пошевелила пальцами. Белая корка ломалась на су-ставах, падала мелкими кусками, а под ней проступала ко-жа. Она увидела кровь на своих ладонях, перевела взгляд на Стаса и рухнула возле него на колени.

— Нет... Стас, нет! — Стася коснулась его щеки, провела рукой по шее и прижала обе ладони к ране. — Посмотри на меня! Только не закрывай глаза!

Батьков попробовал подняться ей навстречу, но сил хва-тило лишь задеть ее локоть. Стася поймала его руку, на мгно-вение прижала к своей щеке и вернула на камень, чтобы сно-ва зажать кровь. Белизна сходила с волос и одежды, лед под коленями таял, а девушка звала Наталью, пока та пробира-лась к плите.

— Руки не убирай! — Наталья опустилась рядом, сорвала с плеча медицинский чемоданчик и раскрыла его прямо на льду. — Дави сильнее и говори с ним, Стася.

— Там насквозь, — выговорила девушка. — Наташа, у него насквозь...

— Вижу. Держи спереди, — Наталья сложила несколько салфеток, просунула руку Батькову под спину и прижала их к ране. — Стас, не двигайся. И не вздумай сейчас мне помо-

гать.

Он попытался что-то сказать, закашлялся и снова залил губы кровью. Стася стерла кровь запястьем, не отрывая второй ладони от груди.

— Молчи! — потребовала она. — Ты уже все сказал.

Рамон опустил голову к Оксане и убрал прилипшие волосы с ее щеки. Ее дыхание оставалось слабым, но ровным, а под его пальцами продолжал биться пульс.

— Он правда вернулся, мам, — прошептал Рамон. — Я же говорил, что смогу.

Стены треснули еще раз. Сверху сорвался широкий пласт льда, разбился возле желоба и засыпал камень осколками, но новых белых полос больше не появлялось. Волкова провела рукавом под носом, оттолкнулась от плеча Вихрова и оглядела площадку.

— Все, нахрен, выходим! — приказала она. — Хлыстов, освободи проход! Вихров, помоги Веденееву!

Рамон просунул ладонь Оксане под голову и позвал Наталью. Стася держала рану спереди, Наталья прижимала салфетки к спине и затягивала вокруг груди бинт. Она закончила перевязывать, приказала девушке не ослаблять нажим и на коленях перебралась к стене.

— Она дышит, — сразу сказал Рамон и подвинулся, освобождая место. — Я пульс нашел. Почему она не просыпается?

Наталья приложила пальцы к шее Оксаны, приподняла ве-

ко и позвала ее. Потом провела ладонью по затылку, проверяя, не ударилась ли та о стену.

— Сейчас не скажу. Живая, дыхание ровное. Вытащим отсюда и повезем в больницу, — она расстегнула ворот куртки Оксаны и повернула ее голову набок. — Следи, чтобы дышала, и не пытайся ставить на ноги.

— Она со мной разговаривала! Там разговаривала, а сейчас... — Рамон осекся, провел пальцами по щеке матери и снова позвал ее. — Она должна меня слышать.

— Тогда говори с ней, — Наталья сжала его плечо, поднялась и обернулась на приближавшегося Горского. — Я рядом, позовешь, если дыхание изменится.

Рамон взял мать за руку и прижал ее пальцы к своей щеке. Они оставались теплыми, такими же, как несколько минут назад на берегу, когда мать обещала ждать.

— Я уже вернулся, — сказал он ей. — Ты меня дождалась, все! Теперь давай сама. Я здесь сижу, слышишь?

Он потерся щекой о ее ладонь, потом осторожно положил руку Оксаны ей на грудь и продолжил звать, пока шаги Горского не захрустели совсем рядом. Пальцы матери не шевельнулись.

Горский шел к ним от стены, оставляя кровь на вороте рубашки. Его заносило на ледяных буграх, Наталья несколько раз велела остановиться, но Добрыня только отмахнулся. На третьем шаге нога сорвалась, и он рухнул бы возле желоба, если бы Климов не успел подхватить его за локоть.

Добрыня выдернул руку так резко, что едва не упал уже вместе с Алексеем. Они оказались напротив друг друга, и Горский несколько мгновений смотрел на Климова, не замечая крови, которая текла из носа и правого уха. Алексей первым разжал пальцы.

— Потом, — сказал Климов и отпустил его. Добрыня вытер кровь с подбородка плечом.

— Не сомневайся даже, — прохрипел он и добрался до Батькова, опираясь ладонью о стену. Возле плиты Добрыня все же пошатнулся, но от помощи Климова отмахнулся.

Он опустился рядом со Стасом, положил руку ему на плечо и сжал так сильно, что Наталья сразу ударила мужа по запястью. Добрыня вздрогнул и только тогда посмотрел на свои пальцы.

— Ты ему сейчас вторую дырку сделаешь! — она перехватила руку Добрыни и заставила ослабить пальцы. — Можешь поднять, если не свалишься раньше.

— Не свалюсь, — Горский повернулся к Стасу и осторожнее положил руку ему на плечо. — Батя, слышишь меня?

— К сожалению, — отозвался тот и закашлялся. Наталья выругалась, велела беречь дыхание и снова заставила его открыть глаза.

Климов подошел с другой стороны. Горский поднял голову, замер и развернулся к нему всем телом, а рука с плеча Стаса соскользнула. Алексей не отступил и опустился возле Батькова. Их руки встретились у него на спине, Добрыня от-

дернул свою и перехватил ниже.

— Поднимаем на счет три, — сказал Климов и подхватил Стаса под левую руку. Горский взялся с другой стороны.

— Считать я умею, — он устроил руку Батькова у себя на плече и кивнул жене. — Давай.

Она велела Стасе прижимать сложенные салфетки к груди и отошла, освобождая им место. Климов и Горский подняли майора вместе, но ноги сразу подогнулись, и он повис между ними. Алексей принял на себя почти весь вес, Добрыня качнулся, уперся ботинком в лед и удержался.

— Стас, глаза открой, — велела Наталья. Она шла рядом, придерживая повязку на спине. — В больнице поспишь!

— Ведите, — Батьков переставил ногу, промахнулся мимо ровного места и застонал, когда Климов подтянул его выше. Стася сразу окликнула Стаса и сильнее прижала салфетки к ране.

Она держалась с другой стороны, обеими руками прижимая салфетки к груди Стаса. Иней еще белел в волосах, пальцы плохо сгибались, но она продолжала давить. Когда он начал оседать, девушка подставила плечо, и Наталья велела ей не отпускать рану.

Хлыстов разбивал лед, закрывший спуск к воде, а Вихров отталкивал осколки ногами. Сергей Сергеевич стоял, опираясь на капитана, и пытался поправить сломанные очки. Волкова отобрала их, сунула себе в карман и велела смотреть под ноги, пока Андрей не расчистит край желоба.

Рамон опять позвал Оксану. Она не отозвалась, а вокруг уже все собирались уходить. Он застегнул ее куртку до горла, подхватил под спину и колени и потянул на себя. Мать приподнялась над камнем, голова упала ему на плечо, и на несколько мгновений Рамон поверил, что справится.

Колено поехало по талой воде. Он ударился спиной о стену, удержал Оксану и медленно опустился вместе с ней, чтобы не стукнуть затылком о камень. Рука, которую мать держала в Нави, до сих пор плохо слушалась, пальцы дрожали и срывались с мокрой одежды.

— Я сейчас, — пообещал он Оксане и поправил ее голову, чтобы не запрокидывалась. — Подожди немного. Я тебя вынесу.

Он устроил ее руку у себя на шее, поднялся на одно колено и опять потянул. Оксана была невысокой, но сейчас ноги волочились по камню, голова сползала с плеча, и Рамону приходилось удерживать весь ее вес одной рукой, пока второй он пытался подняться.

Вихров вернулся от прохода и присел рядом.

— Давай помогу. Один не поднимешь, — он наклонился к Оксане, но Рамон сразу заслонил ее собой.

— Нет! Я сам! — он снова рванул мать вверх и на этот раз сумел встать. Ноги задрожали, Оксана начала выскальживать, а Вихров подхватил ее за плечи прежде, чем она упала. — Не трогай! Я сказал, сам!

— Рамон, ты ее уронишь, — Игорь не тянул Оксану к се-

бе, лишь удерживал голову и ждал, пока парень перестанет отталкивать его локтем. — Дай помочь.

— Отойди от нас! — Рамон прижал мать к груди и опустился вместе с ней обратно на колено. — Я сам ее вынесу!

Капитан убрал руки, но не отошел. Рамон попробовал подняться, потерял опору и замер, боясь, что следующего рывка уже не удержит. Слезы капали на куртку матери и мешали видеть застежку, за которую он судорожно цеплялся.

Ладонь легла ему на плечо. Хлыстов стоял рядом, тяжело дышал после работы у желоба, а из порванного рукава стекала вода. Он посмотрел на Оксану, потом на мальчика и кивнул.

Рамон не ответил, прижал мать к себе, уткнулся носом в ее висок и попытался встать еще раз, хотя руки уже не держали. Хлыстов не торопил его и не тянулся к Оксане, ждал рядом, пока Рамон сам разожмет пальцы.

— Осторожно, — выдавил Рамон, отвернувшись. — Она дышит, только не просыпается.

Андрей просунул одну руку ей под спину, а другую под колени и поднял. Оксана качнулась, Рамон тут же подался следом, но тот уже поддержал ее затылок и прижал крепче.

— Держу, — сказал он. — Иди рядом.

Рамон взял мать за руку. Ладонь была теплой, пальцы оставались мягкими и безвольно лежали в его руке. Он потер большим пальцем костяшки и пошел рядом с Хлыстовым, проверяя каждый его шаг.

Лед возле желоба разбили не до конца. На первом бугре Оксана качнулась, Рамон вцепился в ее ладонь обеими руками, а Хлыстов остановился и переступил иначе. Дальше он двигался медленнее, проверяя подошвой камень. Рамон шел боком, один раз поскользнулся и удержался за Андрея, но руки матери не выпустил.

Лаврентий окликнул их от дальней двери. Рамон обернулся и увидел митрополита, державшегося за стену. Мокрая ряса липла к ногам, на груди белели разорванные линии, а возле моста темнели ледяные осколки. Лаврентий смотрел на людей, уходивших к желобу, и не двигался.

Когда Волкова прошла мимо, он оттолкнулся от стены, поскользнулся и упал на одно колено. Полковник не остановилась. Он поднялся сам и сделал за ней несколько неровных шагов.

— А я? — спросил он. Волкова продолжала идти, и митрополит повысил голос. — Что со мной теперь?!

Она обернулась, вытерла кровь с губ и дождалась, пока он остановится. Лаврентий выпрямился, но руку со стены не убрал.

— Пошел ты к чертям собачьим, митрополит! Живи теперь с тем, что дал сдохнуть своему собственному сыну!

Она отвернулась и направилась к желобу, где Вихров уже помогал Веденееву спуститься к воде. Лаврентий остался возле моста, прижимая ладонь к груди.

Рамон шел рядом с Хлыстовым, держал мать за руку и вы-

тирал мокрую щеку о плечо, потому что второй ладонью поддерживал ее пальцы. Возле воды он остановил Андрея, наклонился к Оксане и коснулся губами ее виска.

— Я скоро за тобой вернусь. Подожди меня, мам.

Он прижал ее ладонь к губам, и Хлыстов снова пошел вперед. Рамон двинулся рядом, так и не выпустив ее руки.

Глава 2. Старый полк

Миша Батьков рассказывал уже третий раз, но с каждым разом собака становилась больше, зубы у нее длиннее, а расстояние от калитки до Варьки сокращалось. Теперь выходило, что сестра стояла у него прямо за спиной, огромный лохматый кобель едва не откусил Мише руку, и спасло их лишь то, что кровь наконец проснулась и сама поняла, кого надо защищать.

Леша сидел на перевернутом ящике возле сарая, строгал прутик найденным на дороге обломком стекла и старался не показывать, что слышит каждое слово. Саша Воеводин устроился на поленнице, подпер подбородок кулаком и тоже слушал, хотя именно ему Миша прибежал рассказывать первым. Варя торчала у сарая, прижавшись щекой к доскам, и всякий раз сердито сопела, когда брат доходил до собачьих зубов.

— Она была не такая большая, — наконец не выдержала девочка. Миша обернулся и велел ей не подслушивать, однако Варя вышла из-за сарая и показала рукой высоту собаки. — Вот такая. И она меня не кусала, только рычала.

— Потому и не кусала, что я ее не пустил, — заявил Миша и снова повернулся к друзьям. — Калитка открытая была. Я встал перед Варькой, она на меня бросилась и остановилась, как в стену уперлась. Лапами землю гребет, зубами щелкает,

а пройти не может.

Саша спрыгнул с поленницы и встал перед ним, прищурившись от солнца. Миша тут же расставил ноги шире, выставил руку и показал, где проходила невидимая черта, хотя за утро успел перенести ее от калитки до сарая, потом к старой яблоне, а теперь провел прямо между собой и Сашей.

— Ты говорил, в груди сначала толкнуло, — продолжил он и постучал кулаком по выцветшей майке. — У меня тоже толкнуло, только потом сюда пошло, в руки и дальше вокруг. Я сразу понял, что она не пройдет! Даже не испугался!

— Испугался, — вмешалась Варя, подошла ближе и подняла с земли длинную щепку. — Ты ругался.

— Я не от страха ругался! Я ее прогонял, — Миша отобрал щепку и бросил обратно к сараю. — Иди домой. Мама тебя искала.

— Не искала. Она велела до обеда не приходить, потому что я мешаю полы мыть, — Варя обошла брата и села на освободившийся ящик рядом с Лешей. Тот подвинулся к самому краю, освобождая ей место, но Миша тут же схватил сестру под мышки, снял и поставил на землю.

— Тогда иди в другом месте мешай, мы разговариваем.

Варя уперлась ладонями ему в живот и толкнула, а когда он даже не качнулся, показала язык.

— Она раньше тебя собаку заметила, — напомнил Саша, подобрал щепку, которую бросил Миша, провел ею по земле и замкнул вокруг них кривой круг. — Мы еще ничего не

слышали, а Варька сказала, что к калитке кто-то идет.

— Я знала, что она злая, — подтвердила Варя и переступила нарисованную черту, прежде чем Миша успел ее остановить. — Она еще за углом была, а я уже знала!

Леша перестал строгать прутик. У Саши кровь откликнулась неделю назад, теперь Миша не мог замолчать о собаке, даже у Варьки уже что-то получалось, хотя она осенью только собиралась в школу. Он прислушался к себе, сжал прутик и снова не почувствовал ничего, кроме занозы, вошедшей в большой палец.

— Значит, она тоже охотник! — решил Саша.

Варя просияла, однако Миша сразу возразил, что никакая она не охотник, потому что маленькая и будущий Рубежник вообще-то он, а замечать собак умеют все, если не глазают по сторонам.

— Ты не заметил, — сказала девочка и юркнула за Сашу, когда брат шагнул к ней. — И Леша не заметил. И Саша тоже.

— Тебе домой сказали! — Миша попытался достать ее через плечо друга, но Саша оттолкнул его руку и встал между ними. Варя тут же ухватила за его рубашку и выглянула с другой стороны. — И вообще. Нам охотничьи имена нужны!

— У нас уже есть имена! — ответил маленький Воеводин. — Зачем нам еще?

— Потому что у охотников должны быть особенные! Мы теперь настоящий полк, значит, и имена нужны охотничьи! — горделиво заявил Миша и повернулся к сестре. — Я тебе

сказал, быстро домой!

— Не трогай ее, Щит, — сказал Саша, а Леша поднял голову.

— Почему это Щит? — Миша забыл о сестре и развернулся к нему. Тот ткнул щепкой в сторону калитки, возле которой до сих пор виднелись собачьи следы.

— Потому что ты Варьку собой закрыл. И никого к ней не пустил, как щитом.

Миша шепотом сказал «Щит», повторил громче и расправил плечи. Варя отпустила рубашку Саши и объявила, что имя ей нравится, но брат велел не вмешиваться и снова повернулся к друзьям.

— А что? По-моему, круто! И не догадается никто, кто мы!

— Если ты будешь орать свое на весь двор, все догадаются, — заметил Леша. Миша велел ему не умничать и принялся ходить по кругу, размахивая руками.

Саша не предлагал ничего и даже сделал вид, что ему все равно, но с поленицы не вернулся. Он стоял, сунув руки в карманы коротких штанов, и терпеливо ждал, пока Миша переберет Командира, Вожака и Воеводу, который ему самому понравился настолько, что он повторил его дважды.

— О! Сотник! — сказал Миша и остановился. — Будешь Сотником!

— Почему? — спросил Саша, улыбнулся, тут же отвернулся к сараю и пнул щепку.

— Потому что ты вперед лезешь, а мы за тобой! Даже если целая сотня будет, все равно поведешь!

— А если не пойдут? — Леша вытащил занозу зубами и слизнул выступившую кровь. Миша отмахнулся, как от глупости.

— Пойду-ут! Мы же идем.

Саша выбрался из круга и толкнул Мишу плечом. Тот толкнул в ответ, они сцепились, повалились на землю и прокатились до ящика, пока Варя визжала, требуя не раздавить Лешу. Тот поднялся сам и оттащил ящик в сторону, а друзья наконец отпустили друг друга и уселись прямо в пыль.

— Значит, Сотник и Щит, — сказал Миша, отдуваясь. — Хорошо придумали.

— Ты придумал Сотника, а Щита я, — поправил Саша, вытер рукавом грязь со щеки и посмотрел на Лешу, который снова принялся за прутик. — Чего надулся?

— Я не надулся, — ответил тот и срезал слишком толстую стружку. Прутик треснул, обломанный конец упал возле ноги Варвары.

— А мне? — спросила она, подбирая его. Миша хмыкнул и напомнил, что Варя в полк не входит, потому что ей шесть лет и она девчонка.

— Я все равно охотник! — заявила сестра, ткнула обломком ему в плечо и отскочила, когда Миша попытался поймать ее за руку. — У меня раньше тебя началось!

— Ничего у тебя не началось! Ты просто собаку увидела!

— Не увидела, а почувствовала! — Варя топнула ногой и едва не стерла носком проведенную Сашей черту.

Они снова заспорили. Леша дождался, пока Миша перестанет гоняться за сестрой, выбросил треснувший прутик и спросил, какое имя будет у него. Саша с Мишей переглянулись, и Леша сразу пожалел о вопросе.

— У тебя кровь еще не проснулась, — сказал Миша. Он уже не смеялся, но от этого стало только хуже. — Вот проснется, тогда и придумаем!

— Может, он вообще не охотник, — предположил Саша и увернулся от комка земли. — Чего ты кидаешься? Я же не сказал, что точно!

— Сам ты не охотник! — Леша нагнулся за вторым комком, но земля рассыпалась в ладони. Он вытер ее о штаны и отошел к сараю. — Ну и пусть не проснется! Я все равно людям помогать буду!

— Как? — спросил Миша.

Леша пожал плечами, потому что ответа у него не было, а придумывать на ходу перед ними не хотелось.

— Как понадобится, так и помогу. Для этого кровь не нужна.

Варя тут же заявила, что возьмет его в свой полк, когда вырастет. Леша рассмеялся, а Миша поймал сестру за косу и потребовал перестать переманивать его людей. Она взвизгнула, вырвалась и спряталась за ящиком, из-за которого виднелась только макушка.

— У меня тоже проснулась!

У угла дома стоял Никита и держал руки за спиной. Леша не заметил, когда он пришел и сколько успел слышать. Горский всегда появлялся рядом тихо, долго смотрел издали, а подходил лишь тогда, когда мог рассказать что-нибудь важное или думал, что может.

— Вот! У Горского тоже проснулась, — сказал Саша, глядя на Лешу. — Значит, один ты остался.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Миша Никиту. Тот вышел из тени, поправил сползшую с худого плеча широкую лямку майки и остановился возле нарисованного круга.

— Я вчера сделал, чтобы отец забыл, зачем меня позвал! Он хотел спросить про разбитую чашку, а потом посмотрел на меня и не вспомнил!

— Может, сам забыл, — сказал Леша.

Никита сразу покраснел и шагнул ближе.

— Не сам! Я захотел, и он забыл! У меня в голове дернуло, а у него лицо изменилось!

Саша спросил, разбил ли он чашку. Никита насупился, пробормотал, что она сама упала, и добавил, что отец так ничего и не вспомнил. Миша задумчиво оглядел его с головы до ног, потом переступил черту и хлопнул по плечу.

— Значит, тоже охотник. Только имя еще рано, вдруг больше не получится.

Никита дернулся от его руки, но промолчал. Леша подвиг-

нул ему ящик, освобождая место рядом с собой, однако Горский не сел и продолжал смотреть на Сашу.

— А ты что умеешь? — спросил он.

Саша хмыкнул и сказал, что свой дар уже показывал, а для опоздавших повторять не собирается.

— Я не опоздал! Меня отец не отпускал!

— Тогда у отца и спрашивай, — Миша поднялся и отряхнул штаны. — На речку-то пойдем? До обеда еще успеем.

Саша сразу направился к пролому в заборе, через который они выбирались со двора, и остальные потянулись за ним. Леша засунул обломок стекла под доску сарая, чтобы забрать потом, а Варя выскочила из-за ящика и первой добралась до забора.

— Я с вами, — объявила она и вцепилась обеими руками в нижнюю доску. Миша снял ее оттуда раньше, чем девочка успела просунуть голову в пролом.

— Домой иди. На речку тебя никто не возьмет.

— Я плавать умею! — Варя вцепилась в доску крепче и попыталась снова полезть в пролом.

— Ты в тазу умеешь сидеть, а там глубоко. Мне плавать надо, а не за тобой смотреть.

Варя ударила его пяткой по голени, и Миша едва не уронил сестру. Он поставил ее на землю, развернул лицом к дому и подтолкнул, но девочка сразу повернулась обратно.

— Тогда я на берегу буду. Я мешать не стану.

— Станешь, — уверенно сказал Миша. — Иди к маме,

пока я сам тебя не отвел!

Никита приблизился к Саше и негромко попросил взять и его с собой. Тот повернулся к Мише, который лучше всех плавал и уже вытаскивал Лешу, когда тот полез на середину после весеннего разлива.

— Ты же совсем не умеешь! — сказал Миша. Никита возразил, что научится, и пообещал не заходить глубоко, однако тот покачал головой. — Я плавать хочу, а не тебя из воды вытаскивать. Ты плаваешь как топор.

Саша засмеялся. Леша тоже не удержался, вспомнив, как прошлым летом Никита зашел по пояс, поскользнулся и поднял такой крик, что прибежала половина улицы. Горский сжал рот, переводя взгляд с одного на другого, и отступил.

— Возьмите его, а я домой пойду, — предложила Варя. Никита резко повернулся к ней и велел не лезть, хотя девочка пыталась помочь.

— Никого не возьмем! — решил Миша, опять указал сестре на дом и полез за Сашей в заборную щель. — Маленькие пусть дома сидят!

Никита отвернулся раньше, чем по щекам потекли слезы, и побежал через двор. С пятки соскочил ремешок, сандалия подвернулась под ногой, но он удержался и только припустил сильнее. Леша перестал смеяться и проводил его взглядом до калитки.

— Может, зря так? — спросил он. Миша выбрался за забор и протянул руку, помогая ему перелезть.

— Я правду сказал. Он утонет, а виноваты будем мы.

Саша уже ждал с другой стороны и торопил их, пока взрослые не увидели. Леша ухватился за край доски, подтянулся и прыгнул на траву. Когда обернулся, Варя по-прежнему стояла посреди двора и смотрела им вслед.

Никита добежал до дома, ударил ладонью по калитке и сразу толкнул дверь, хотя отец приучал сначала вытирать ноги. В прихожей он запнулся о половик, сбросил сандалии и прошел в комнату, размазывая слезы по щекам.

Отец сидел за столом возле открытого окна и читал толстую папку. Услышав шаги, он закрыл ее, снял очки и отложил поверх бумаг.

— Никита? Что случилось? — он поднялся навстречу, но сын отступил и прижался спиной к шкафу.

— Ничего. Они меня опять не взяли.

— Куда не взяли? Подойди сюда и расскажи нормально.

Никита не хотел подходить, но отец сам пересек комнату, присел перед ним и вытер мокрую щеку большим пальцем. Рубашка на сгибах локтей помялась, а на переносице остались красные следы от очков.

— На речку, — выговорил Никита. — Они все пошли, а меня не взяли! Сказали, я маленький и плаваю как топор!

— А ты разве хорошо плаваешь? — спросил отец. Никита попытался отодвинуться, но за спиной стоял шкаф.

— Я бы научился! Они нарочно, потому что не хотят со

мною! У них кровь уже проснулась, они имена себе придумали, а я для них никто!

Отец взял его за руку и привел к дивану. Никита сел на самый край, упрямо глядя в пол, а тот устроился рядом и провел ладонью по его волосам.

— Ты не никто. И торопить кровь нельзя, сколько раз тебе говорить? У каждого свой срок.

— У Варьки тоже проснулась, а ей шесть! — Никита дернул головой, сбрасывая руку. — Она маленькая и глупая, но у нее есть! У Сашки есть, у Мишки теперь тоже! Даже у Лешки скоро будет!

— Откуда ты знаешь про Лешу? — Отец перестал гладить его и отвел прилипшие ко лбу волосы.

— Потому что они его любят! У него обязательно будет, а у меня нет ничего!

Отец повернул его к себе и заставил поднять голову. Никита видел знакомые карие глаза, складку между бровей и все равно ждал, что сейчас услышит то же самое: не спеши, потерпи, однажды. Эти слова ничего не меняли, потому что завтра Сашка снова позовет Мишку и Лешку, а его оставят у забора.

— Послушай меня, — сказал отец. — Кровь не просыпается оттого, что ты сильнее захотел. Она сама выберет время, и тебе придется быть готовым. Не завидуй другим и не пытайся доказать то, чего пока не умеешь.

— Я умею! — Никита вскочил с дивана. — Ты вчера за-

был про чашку! Я сделал, чтобы ты забыл!

Отец не засмеялся и не сказал, что тот все придумал. Он снял папку со стола, положил на подоконник и спросил, что именно чувствовал Никита, однако мальчик уже понял: ему снова не верят.

— В голове дернуло, и ты забыл, — повторил он. — Я захотел, чтобы ты не спрашивал, и ты не спросил!

— Один случай еще ничего не доказывает. Возможно, это был первый отклик, но тебе нельзя пытаться повторить его на людях. Особенно без меня.

— Почему? Им всем можно, а мне нельзя?

— Потому что ты не знаешь, чем закончится попытка. Никита, я не запрещаю тебе быть Охотником. Я прошу не спешить.

— Все вы так говорите! — он попятился к двери, зацепил пяткой сандалию и пнул ее в стену. — Тебе тоже на меня наплевать! Ты даже не хочешь мне помочь!

Отец поднялся и окликнул его, но Никита уже выскочил в прихожую, дернул входную дверь, услышал за спиной шаги и выбежал во двор босиком, не позволив себя остановить.

До речки они добрались по короткой дороге через пустьрь и огороды. Саша Воеводин все время шел первым, выбирал, где перелезть через канаву, и ни разу не обернулся проверить, идут ли остальные, потому что Миша с Лешей все равно держались следом.

На берегу еще никого не было. Батьков бросил одежду под кустом и с разбега вошел в воду, подняв брызги до нижних веток, Саша прыгнул с низкого обрыва, а Леша разделся последним и долго пробовал воду ногой, пока друзья не принялись обзывать его стариком.

Они плавали до тех пор, пока зубы не начали стучать, потом выбрались на берег и собрали сухие ветки возле кустов. Саша развел маленький костер, заслонив спичку ладонями, а Миша уселся ближе всех к огню и снова заговорил о Щите.

— Я когда вырасту, настоящий щит себе сделаю, — сказал он и протянул к огню мокрую рубашку. — Круглый, железный. Пусть попробуют пройти.

— С ним плавать неудобно, — заметил Леша. Миша предложил оставлять его на берегу и снова принялся доказывать, что удержал бы даже две собаки, если бы они напали с одной стороны.

Саша лежал на траве, подложив руки под голову, и смотрел в небо. Каждый раз, когда Миша говорил «Сотник», он поворачивал голову и сразу принимался рассматривать облака.

— А если с разных? — спросил Леша. Миша пообещал встать между ними, но Саша возразил, что тогда одной достанется Варя.

— Варьку я вообще больше со двора не выпущу, — решил Миша. — Пусть дома сидит.

— Она тебя не слушает, — Леша перевернул рубашку

другой стороной и придержал рукав, который тянуло к огню.
— Она сейчас за нами пойдет, вот увидишь.

— Не пойдет! Я ей сказал домой!

Из-за деревьев донесся далекий крик. Миша перестал улыбаться и повернул голову, а через несколько мгновений они услышали Варю отчетливо: «Отстань! Не трогай меня!»

Миша рванулся к тропинке. Саша вскочил следом, Леша наступил босой ногой на горячий уголек, отдернул ступню и все равно побежал, даже не посмотрев, что к ней прилипло.

Варя стояла возле старой ивы, окруженная тремя мальчишками. Самый высокий держал ее за конец косы и не давал отойти, второй перекидывал из руки в руку красную ленту, а третий преграждал дорогу к берегу. Колено у девочки было разбито, платье испачкано землей, однако она не плакала и пыталась ударить обидчика пяткой.

— Отпусти ее! — крикнул Миша. Высокий мальчишка повернулся, увидел троих босых пацанов и дернул Варю за косу сильнее.

— А то что? — спросил он. Варя вскрикнула и обеими руками вцепилась в волосы у затылка.

Леша не услышал, что ответил Миша. Он увидел ее перекошенное лицо, красные пальцы на светлой косе и уже бежал, огибая Сашу. Высокий толкнул Варю навстречу, она упала на ладони, а Леша врезался ему в живот и вместе с ним повалился под иву.

Мальчишка оказался тяжелее и почти сразу перевернул

его, прижал плечом к земле и ударил в ухо. Леша дернул коленом, попал куда-то в бедро и вывернулся, а рядом Миша заслонил собой Варю и сцепился со вторым. Саша схватил третьего за рубашку, дернул от сестры друга и приказал Леше держать высокого.

Тот уже поднялся. Леша ухватил его за пояс, получил локтем в плечо и не отпустил. Мальчишка выругался, потащил его по земле, а потом развернулся и ударил кулаком в губу.

Во рту стало солоно. Леша отшатнулся, вытер кровь тыльной стороной ладони и снова бросился вперед, потому что высокий направился к Варе. Миша стоял перед сестрой, расставив руки, и кричал, чтобы она бежала к Саше, однако девочка не двигалась и держалась за его мокрую майку.

Саша первым справился со своим противником, толкнул его в кусты и встал рядом с Мишей. Двое старших остановились. Третий вылез из веток, оглядел друзей и бросился вверх по тропе.

— Держи его! — крикнул Саша. Леша уже бежал следом.

Камни резали босые ступни, ветки хлестали по ногам, но расстояние сокращалось. Старший оглянулся, прибавил скорость и свернул к зарослям, надеясь спрятаться. Леша видел темную рубашку между листьями и больше не слышал ни криков у ивы, ни шума воды.

Мальчишка перескочил поваленное дерево, зацепился ногой и потерял несколько шагов. Леша перемахнул следом, схватил его за запястье и повис всем весом. Тот вырвал ру-

ку, но далеко не ушел: пальцы Леша уже сомкнулись выше локтя.

— Отцепись, мелкий! — он дернулся, потащил Лешу за собой и попытался ударить свободной рукой. Леша пригнулся, перехватил крепче и уперся пятками в землю.

Каждый новый рывок доходил до плеча раньше, чем мальчишка успевал его сделать. Леша переставлял ноги, разворачивался вместе с ним и удерживал руку, хотя пальцы давно должны были разжаться. Мальчишка ударил его по спине, потом по затылку, вывернул локоть и закричал, требуя отпустить, но Леша уже знал, что тот никуда не уйдет.

Из-за деревьев выбежал Миша, за ним показались Саша и Варя. Высокий мальчишка увидел их, рванулся к тропе и снова остался на месте, как привязанный к Лешиней руке.

— Я поймал! — крикнул Леша и рассмеялся. Губа сразу заболела, кровь потекла по подбородку, однако он только облизнул ее и посмотрел на друзей.

Мужской голос раздался совсем рядом. Кто-то потребовал прекратить драку, затрещали ветки, и на тропу вышел взрослый мужчина в расстегнутой рубашке, с удочкой и холщовой сумкой через плечо.

Старший мальчишка тут же перестал вырываться и закричал, что на него напали. Леша разжал пальцы, но поздно: мужчина отбросил удочку, схватил его за плечо и развернул к себе.

— Это еще что такое? Втроем на одного полезли? — он

встряхнул Лешу, не слушая, как Варя кричит про косу и украденную ленту. — А ну стоять всем!

Миша схватил сестру за руку и оттащил к кустам. Саша пятился рядом, показывая Леше глазами на тропу, но мужчина держал крепко, а старшие мальчишки уже наперебой рассказывали, что маленькие набросились без причины.

— Я вас сейчас родителям отведу, — пообещал взрослый и снова встряхнул Лешу. — Фамилия как? Ну-ка говори!

Леша дернулся, посмотрел на босые ноги Миши, мокрые волосы Саши и Варю, которая пряталась за братом в грязном платье. Если мужчина доведет их до дома, Мишу накажут за речку и драку, Варю запрут во дворе, а Саше запретят приходить. Он едва не назвал настоящую фамилию, но успел прикусить язык.

— Климов, — сказал он. Мужчина наклонился ниже и переспросил, а Леша повторил громче. — Климов я!

— Где живешь, Климов? — мужчина развернул Лешу к тропе, собираясь вести за собой.

— На Заводской, — ответил тот и перестал вырываться. Заводская тянулась через полгорода, и Леша знал там только хлебный магазин возле остановки.

Мужчина потребовал назвать номер дома, но из-за кустов вдруг свистнул Саша, Варя закричала, что ее ленту бросили в воду, а Миша рванулся к берегу. Хватка на Лешиним плече ослабла.

Взрослый повернул голову. Леша вывернулся из ослабев-

шей руки, нырнул между ветками и побежал, не разбирая дороги. Сзади орали, обещали найти всех до одного и сообщить родителям, но он уже перескочил дерево и скатился по склону к воде.

Друзья ждали за густым кустом. Миша прижимал к боку рубашку и держал Варю за плечо, Саша выглядывал на тропу, готовый снова бежать. Леша ввалился между ними, согнулся, пытаясь отдышаться, и услышал, как Варя хихикнула.

— Ты чего? — спросил он.

Девочка закрыла рот ладонью, но уже смеялась, уткнувшись лбом брату в руку.

— Климов!

— Почему Климов? — Миша расплылся в улыбке и тоже не удержался от смеха. — Вот умора!

Леша вытер разбитую губу, хотел обидеться и не смог, потому что Саша уже хлопнул его по плечу и повел вниз, подальше от сердитого рыбака и старших мальчишек, которые все еще спорили на тропе. Они шли гуськом между кустами, Варя держалась за Мишу, а Леша замыкал их маленький полк, пока Саша не обернулся и не спросил, смеясь:

— Ну что, Климов, поймал?

Глава 3. Древний полк

Мертвого нашли возле воды, хотя до реки он не дошел нескольких шагов. Мужчина лежал на боку, прижав руки к животу, а трава под ним оставалась белой от инея и ломалась, когда люди Большака пытались раздвинуть ее древками копий. На теле не было ни ран, ни следов борьбы. Одежда промерзла, борода смерзлась возле рта, а открытые глаза сохранили испуг человека, увидевшего перед смертью то, к чему его не подготовили рассказы о нечисти.

Эстимар присел рядом и коснулся земли возле его ладони. Холод сразу вошел в пальцы, поднялся к запястью и остановился у кожаного ремня, которым он стягивал рукав. Обычный мороз оставался в земле, дереве и камне, а этот продолжал держаться за живое тепло и искал дорогу дальше. Охотник разжал пальцы, стряхнул налипшую крошку и поднялся.

— Тот же след? — спросил Большак. Он стоял над мертвым, опираясь на длинную рукоять топора, и смотрел в сторону реки.

— Тот же, — Эстимар растер онемевшие пальцы и указал на белую полосу в траве. — Здесь она была близко. Может, он к ней сам подошел.

— Или догнала, — сказал один из охотников. Мужчина держал копьё поперек груди и то и дело оглядывался на лес, где между стволами еще лежали утренние сумерки.

Зорник обошел тело, остановился возле примятой травы и опустил ладонь к земле, не касаясь ее. Он уже второй день вел полк по следу, который остальные различали только возле мертвых. Иногда белый налет появлялся на камнях, иногда вода у берега застывала узкой кромкой, однако через несколько шагов исчезали и эти признаки. Зорник каждый раз находил направление снова и ни разу не попросил вернуться.

— Не догоняла, — сказал он. — Он шел за ней от реки. Здесь упал.

— Зачем? — охотник переступил ближе, но Зорник поднял голову, и тот остановился.

— У него спроси, — предложил Эстимар. Мужчина поморщился, а Большак провел большим пальцем по рукояти топора.

— Людей отведите к домам, — приказал он. — До нашего возвращения к реке не ходить, скотину не выпускать. Кто решит проверить, чего испугались остальные, пусть сперва на него посмотрит.

Двое охотников накрыли тело плащом и позвали мужчин, ждавших поодаль. Жители не приближались с тех пор, как полк вышел из леса. Они сбились возле крайнего дома, держали детей за плечи и говорили вполголоса, пока старик с седой бородой не отделился от остальных и не направился к Большаку.

— Вы за ней пойдете? — спросил он и покосился на на-

крытого мертвеца. — Сейчас?

— За тем и пришли, — ответил Большак. Старик облизнул сухие губы и крепче сжал в руке шапку.

— До вас другие ходили. Не вернулись. К вечеру нашли возле старого брода, все такие же. Может, переждать надо? Уйдет куда-нибудь, людей здесь немного осталось.

— К другим уйдет, — Большак снял топор с земли и положил на плечо. — Прячьте детей и не выходите, пока наши не вернутся.

Старик хотел добавить что-то еще, но Большак уже повернулся к полку. Люди ждали возле деревьев: несколько десятков охотников с копьями, мечами и топорами, в кожаных доспехах и кольчугах, потемневших от долгой дороги. Они прошли за этой тварью через несколько поселений и всякий раз приходили после нее. Видели мертвых на дорогах, во дворах и возле воды, слышали разные рассказы о женщине, после которой среди лета замерзает земля, но живого свидетеля до сих пор не встретили.

— След к броду, — сказал Зорник. Он уже стоял под деревьями и смотрел туда, где лес спускался к реке. — Она не ушла далеко.

Большак разделил людей. Половину оставил помогать жителям и охранять дома, остальных повел за собой, приказав держаться на расстоянии и не сходить со следа. Спорить никто не стал, хотя каждый понимал: если ушедшие к броду не успели даже поднять оружие, числом новую нечисть не

взять. Люди поправляли ремни, проверяли наконечники и шли за Главным, боясь того, что ждало возле реки, но сохраняя строй.

Эстимар задержался возле тела. Под краем плаща виднелась ладонь мертвеца, почерневшие ногти впились в землю, а вокруг пальцев иней уже таял. Он нагнулся, вытащил из травы узкий нож и осмотрел лезвие. Мужчина успел обнажить оружие, но не ударил: на металле не было ни крови, ни других следов. Холод обжег кожу даже через рукоять.

— Брось, — сказал Зорник, остановившись возле него. — Не узнаешь больше, чем уже знаешь.

— Я знаю только то, что эту тварь нельзя подпускать близко, — Эстимар положил нож рядом с телом и выпрямился. — А ты ведешь нас прямо к ней.

— Могу назад повести, ежели страшно.

— Тогда первым замерзнешь ты. Большак не любит, когда его водят кругами.

Зорник дернул уголком рта и направился к лесу. Эстимар догнал его возле первых деревьев, и дальше они шли рядом, пока тропа позволяла. Большак двигался впереди, не оглядываясь, но расстояние между ними не увеличивалось. Он всегда знал, где находятся оба, а они без приказов занимали места так, чтобы один видел дорогу, а второй успел связать то, что выйдет навстречу.

Лес возле реки был редким. Сквозь ветви пробивался дневной свет, под ногами хрустела сухая хвоя, и белых сле-

дов долго не попадалось. Смотрящий несколько раз менял направление, обходил поваленные деревья и останавливался, присматриваясь к пустому месту. Он хмурился так, как всегда, когда видел сразу несколько дорог и отбрасывал ложные одну за другой.

— Она шла здесь, — сказал Зорник возле расколотой сосны. На коре не осталось инея, земля вокруг была сухой, но он уверенно указал вправо. — Потом остановилась.

— Что увидела? — Большак подошел ближе и осмотрел лес.

— Нас еще не было. Может, людей, которые за ней пошли. Эстимар провел ладонью над стволом. Ничего не почувствовал и уже хотел отойти, когда заметил на коре тонкую белую линию. Она проходила поперек старой трещины и обрывалась ровно там, где дерево оставалось живым. Выше ветви зеленели, ниже кора стала серой и осыпалась от прикосновения.

— Не мороз, — сказал Оковник. — Дерево не замерзло. Оно перестало жить здесь.

Большак коснулся обесцвеченного места рукоятью топора. Кора провалилась внутрь, под ней оказалась сухая древесина, рассыпавшаяся мелкой трухой.

— Значит, рассказы не врут, — сказал один из людей за их спинами. — Она взглядом убивает.

— Люди много чего говорят, когда боятся, — отозвался Эстимар. — Этот хотя бы попал пальцем в нужную сторону.

Охотник выругался себе под нос и отступил от дерева. Остальные тоже разошлись шире, стараясь не подходить к белой полосе, хотя она уже исчезала под рукой Главного. Со Злыднем человек знал, куда всадить копье, а возле мертвого дерева охотники вздрагивали от каждого шороха и держали оружие перед собой.

Большак посмотрел на людей и указал топором на склон. Охотники перестали переговариваться и приблизились, чтобы слышать приказ.

— До реки идем вместе. У воды останетесь между деревьями и без моего приказа не высунетесь. Кто побежит за нами, отправится обратно охранять коз, — сказал он и дождался, пока люди разойдутся шире.

— А если тебе помощь понадобится? — спросил широкоплечий охотник с двумя короткими топорами за поясом.

— Тогда услышишь, — сказал Большак и первым направился вниз.

— Ежели еще сможешь крикнуть, — пробормотал тот, но Главный повернул голову, и мужчина поднял ладони. — Между деревьями так между деревьями.

Зорник продолжил путь. Склон становился круче, земля уходила из-под ног, и людям приходилось хвататься за кусты. Холод появился незаметно. Эстимар почувствовал его в мокрой рубашке между лопатками, перестал слышать птиц и увидел белый налет на нижних листьях. Чем ближе становилась река, тем медленнее текла вода в узких ручьях. Послед-

ний ручей застыл целиком, сохранив на поверхности рябь и мелкие брызги возле камней.

Большак присел, провел пальцами над водой и сразу поднялся. Он не стал пробовать лед, а приказал людям разойтись и ждать. Охотники заняли места между деревьями, выставили копья и приготовили луки, а человек с двумя топорами затянул ремни на запястьях и больше не шутил.

— Дальше втроем, — сказал Большак. Эстимар поправил ремень клинка, а Зорник вытащил короткий меч и поднял круглый щит.

— След прямо впереди, — предупредил Смотрящий. — И еще кое-что.

— Что? — спросил Эстимар.

Зорник медленно повернул голову, оглядывая склон, реку за деревьями и белеющую траву. Щит в его руке приподнялся, закрывая грудь.

— Ничего за ней не вижу. Ни дороги, ни края. След тянется отовсюду и ниоткуда.

— Так не бывает.

— Выйдешь и объяснишь ей.

Большак сошел со склона первым. Они двинулись следом, оставив людей под прикрытием леса. Лед под ногами пока не ломался, но крошился и приставал к подошвам. Эстимар чувствовал незнакомую силу уже без прикосновения: она находилась впереди и давила на кровь ровно, не усиливаясь по мере приближения, поскольку расстояние для нее ничего не

значило.

У старого брода река расширялась и мелела. Камни выступали над водой, между ними застряли принесенные течением ветки, а на другом берегу начиналась низкая поляна. Вода остановилась от берега до берега. Под прозрачной поверхностью виднелись вытянутые пузырьки, мелкая рыба застыла возле самого дна и не пыталась уйти, хотя тени людей уже легли на лед.

Посреди реки стояла женщина. Прямо босыми ногами на льду. Длинное платье опускалось до щиколоток и не шевелилось, волосы лежали на плечах, а руки были свободно опущены. Она смотрела на противоположный берег, где среди камней белели остатки старого костра, и не повернула головы, когда Большак ступил на первый камень.

Эстимар ожидал увидеть тварь и всматривался в женщину, ища место, где человеческая оболочка выдаст чужую природу. Она не пыталась выглядеть беспомощной, не просила о помощи и не прятала силу. Холод держал реку под ее ступнями и расходился от нее до обоих берегов.

Зорник поднял щит и встал справа от Большака. Его меч оставался опущенным, но взгляд двигался по льду, берегам и человеческой фигуре, пытаясь найти то, что скрывалось за ней.

— Она, — сказал он. — След обрывается здесь.

Женщина повернула голову. Сначала посмотрела на Зорника, потом на Большака и задержалась на топоре. Она раз-

глядывала оружие и людей с одинаковым вниманием, не меняя положения тела.

Большак перехватил топор двумя руками и вышел на лед. Женщина проводила его взглядом, но с места не двинулась.

— Назад не уйдет, — сказал он. — Оковник, свяжи ее и держи, пока я не подойду.

Эстимар шагнул на лед. Холод пробрался сквозь подошвы и сжал ступни, но кровь уже откликнулась на приказ. Темные полосы вышли из-под его пальцев, скользнули по замерзшей воде и обогнули женщину с двух сторон. Одни сомкнулись на запястьях и поднялись к плечам, а другие легли поперек груди, живота и коленей, стягивая тело и связывая его с рекой.

Женщина опустила взгляд. Она наблюдала, как темные путы обвивают руки, но не попыталась отойти или разорвать их. Эстимар сжал пальцы, замкнул последнюю связь и сразу почувствовал, что удерживать нечего. Сила прошла вокруг человеческого облика, встретила сама с собой и вернулась к нему пустой.

Он усилил оковы. Темные полосы стали шире, лед под женщиной треснул и сразу застыл заново, но ее руки по-прежнему лежали вдоль тела. Не возникло ни рывка, ни сопротивления, к которому Эстимар привык за годы охоты. Любая нечисть пыталась выскользнуть, ударить по связи, спрятать часть себя или добраться до его крови. Эта же позволяла связывать себя и смотрела, не понимая, зачем чело-

век повторяет бесполезное движение.

— Держишь? — спросил Большак.

— Нет, — Эстимар не ослабил пальцы. — Я ее не чувствую внутри оков!

Женщина подняла руку. Темные полосы не порвались и не сползли, однако ладонь прошла сквозь них, а связь осталась замкнутой вокруг пустого места. Иней покрыл оковы от ее запястья до пальцев Эстимара. Кожа онемела, суставы перестали сгибаться, и ему пришлось ударить кулаком о бедро, чтобы не потерять связь совсем.

Большак двинулся вперед. Женщина перевела взгляд на него, а топор остановился еще до удара. Рукоять дернулась в руках, лезвие побелело и осталось над плечом. Большак напрягся, сделал еще шаг и потянул оружие на себя, но не сумел изменить его положения.

Зорник сорвался с места, зашел справа, прикрылся щитом и ударил снизу, метя в бок. Меч добрался до края ее одежды и замер. Белая корка прошла по лезвию, закрыла гарду и коснулась пальцев. Смотрящий отпустил рукоять, пока кожа не примерзла к металлу, и отступил. Меч не упал, а остался висеть рядом с женщиной.

Из леса донесся окрик. Один из охотников вышел из-за дерева с натянутым луком, хотя Большак велел не вмешиваться. Тетива ударила по запястью, стрела пересекла поляну и остановилась возле реки. Древко покрылось инеем, наконечник опустился, и стрела рассыпалась на лед мелкими

кусками.

— Назад! — приказал Главный. Охотники отступили между деревьями, а он оставил топор висеть и медленно разжал пальцы.

Женщина могла сделать то же с его руками. Могла провести белую корку от меча Зорника к плечу, от оков Эстимара к груди и остановить каждого человека, спрятавшегося в лесу. Но она не сделала ничего. Топор остался цел, кровь продолжала двигаться в онемевших пальцах, и даже не послушавшийся приказа лучник успел вернуться под укрытие.

Эстимар смотрел на ее ладонь, прошедшую сквозь оковы. Женщина уже опустила руку и снова ждала, а белая корка остановилась на оружии и темных связях, не тронув ни одного человека. Для нее ни топор, ни меч, ни оковы не были угрозой, и все же она прекращала существование всего, что направлялось к ней.

— Еще раз, — сказал Большак и протянул руку к топору. Его пальцы не дошли до рукояти и остановились вместе с оружием.

— Погоди, — Эстимар ослабил оковы. Темные полосы дрогнули, сошли с женщины и растеклись по льду.

Большак повернулся к нему. Между ними оставалось несколько шагов, однако Оковник почувствовал приказ раньше, чем тот заговорил.

— Она убивала людей, — напомнил Большак. Он не отрывал руки от замершего топора.

— Знаю, — Эстимар распрямил онемевшие пальцы, но оковы снова не поднял.

— Тогда чего ждешь? — Большак дернул рукоять на себя, и иней перешел на кожу.

Эстимар помнил каждого мертвого, мимо которого они прошли, и человеческий облик ничего не менял. Однако оковы замкнулись вокруг нее лишь потому, что она позволила. Женщина посмотрела на освободившиеся руки и подняла голову.

— Почему остановился?

Она говорила негромко, обычным человеческим голосом, и продолжала ждать его ответа. Эстимар разжал руки, позволяя последним оковам исчезнуть.

Большак перехватил рукоять топора, когда лед вокруг нее треснул. Зорник поднял щит выше и сместился ближе, закрывая Главного. Эстимар шагнул вперед, оставив обоих за спиной.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Женщина не ответила. Ее взгляд прошел по его одежде, по ремням на запястьях и пальцам, на которых еще оставался иней, и вернулся к глазам. Эстимар выдержал его, хотя от близости к ней кровь двигалась все медленнее, а каждый вдох обжигал грудь.

— Зачем тебе имя? — спросила она и слегка наклонила голову, разглядывая его.

— Чтобы говорить с тобой, — ответил Оковник. Она пе-

редела взгляд на темные полосы, лежавшие между ними.

— Ты хотел меня остановить. Теперь будешь говорить?

— Не вышло остановить. Хочу понять, кто передо мной.

Женщина посмотрела мимо него, на Большака и Зорника. Топор по-прежнему висел возле плеча Главного, а Смотрящий стоял со щитом и ждал движения, которое увидит раньше остальных. В лесу прятались люди. Ее взгляд не коснулся деревьев, но холод лежал возле ног охотников ровной белой границей и не переходил дальше.

Она подняла ладонь и коснулась одной из темных полос. Связь отозвалась в пальцах Эстимара слабым толчком, иней сошел с кожи, суставы снова начали сгибаться, а окова рассыпалась.

— Сиверна, — сказала она. — Меня зовут Сиверна.

Эстимар назвал свое. Сиверна перевела взгляд на его руки, которыми он безуспешно пытался удержать ее, потом на лицо и произнесла его имя так же, как произнесла свое, без вопроса и без обещания. Большак не вмешался, Зорник продолжал стоять рядом, а люди в лесу ждали приказа, не зная, почему Оковник разговаривает с тварью, за которой они шли несколько дней.

— Ты убила людей, — сказал Эстимар. — Почему?

Сиверна посмотрела на другой берег. Возле старого костра лежало обгоревшее бревно, и белая полоса уже поднялась по нему до середины.

— Потому что могла, — сказала она и снова посмотрела

на него. — Почему не должна?

За спиной Эстимара скрипнула кожа на рукояти топора. Большак подошел ближе, и Сиверна перевела взгляд на него. Оружие она по-прежнему удерживала возле плеча одной своей волей, но теперь ждала так же, как ждала ответа Эстимара.

— Потому что это мои люди, — сказал Большак. — И больше ты их не тронешь.

— Твои? — спросила Сиверна, посмотрела в лес, где прятался полк, а потом на Зорника и Эстимара. — Все?

— Все, кого я веду и защищаю, — ответил Большак. Сиверна еще раз оглядела охотников между деревьями.

— Они умирают и без меня.

— Не сегодня и не от тебя, — сказал Большак и повернулся к своему оружию.

Он протянул ладонь. Топор вырвался из неподвижного воздуха и лег в нее, тяжело качнувшись. Он опустил лезвие к земле, но обе руки оставил на рукояти. Сиверна проследила за ним и снова повернулась к Эстимару.

— Ты тоже его? — спросила она. — Почему?

— Потому что он мой Главный, — ответил Оковник. Большак недовольно шевельнул плечом, однако спорить с тем, как прозвучал вопрос, не стал, а Сиверна задержала взгляд на широкой ладони, державшей топор.

— Он сильнее тебя?

— Да, — ответил Эстимар. Холод снова прошел по реке

и остановился возле ног Главного.

Сиверна несколько мгновений разглядывала Большака, а потом покачала головой. Холод не коснулся его кожи.

— Нет, — сказала она. Большак нахмурился, а Эстимар рассмеялся.

— Смотря в чем мерить, — сказал Эстимар. — Топором он работает лучше.

— Эстимар, — предупредил Большак, а Зорник подобрал свой меч. Иней на лезвии уже растаял, по металлу стекала вода.

— Она спросила, — ответил тот и встретил недовольный взгляд Главного.

— Она людей убивала.

— И честно об этом сказала, — Эстимар повернулся к Сиверне. Она продолжала наблюдать за ними, не пытаясь вмешаться.

Большак повернулся к ней и несколько мгновений изучал человеческий облик, за которым находилась сила, способная остановить его прежде, чем он сделает еще шаг. А потом указал топором на лес.

— Там мои люди. За рекой еще поселение. Никого из них ты не тронешь.

— Ты уже сказал, — напомнила Сиверна. Большак крепче взялся за топор.

— Хочу знать, что поняла.

— Поняла. Но не знаю зачем, — она снова посмотрела на

людей в лесу.

— Узнаешь, — сказал Эстимар. Большак посмотрел на него так, что Зорник отошел в сторону, освобождая между ними место.

— Чего она узнает? — спросил он. Оковник пожал плечами и растер запястья, возвращая чувствительность пальцам.

— Зачем не надо убивать людей.

— И кто ей расскажет?

— Я начал, значит, мне и продолжать.

Большак мог приказать снова связать Сиверну, отвести людей и искать другой способ уничтожения или оставить возле реки дозор, пока они не поймут природу новой нечисти. Но он посмотрел на замерзшую воду, мертвую траву возле берега и охотников среди деревьев, которых Сиверна до сих пор не тронула.

— Сначала выведи ее с реки. Людям от одного вида плохо.

— Она не связана. Куда захочет, туда и пойдет.

— Тогда попроси. Ты же разговаривать собрался.

Эстимар повернулся к Сиверне. Она слушала их, переводя взгляд с Главного на Оковника, а от ее ног по-прежнему расходился холод и подо льдом стояла вода, не способная продолжить путь.

— Пойдешь с нами?

— Куда? — Сиверна посмотрела туда, откуда они пришли.

— Туда, где наши люди. Ты хотела понять, почему я оста-

новился. Здесь объяснять долго.

Сиверна посмотрела на лес. Охотники уже вышли из укрытий, но держались возле деревьев и не опускали оружия. Один человек медленно пятился, когда ее взгляд проходил рядом, другой загораживал собой людей, стоявших позади. Сиверна наблюдала за ними дольше, чем за топором и мечом.

— Они боятся меня. Ты тоже боишься и все равно хочешь, чтобы я пошла к ним.

— Боюсь и хочу, — ответил Эстимар и убрал руки от ремня клинка. — Решай.

Она сошла с реки. Босая ступня коснулась берега, лед треснул от середины русла до камней, и вода сразу двинулась, выталкивая белые куски друг на друга. Рыба метнулась со дна, ветки у брода развернуло течением, а оставшийся в воздухе меч упал возле ног Зорника. Сиверна перешагнула через оружие и остановилась перед Эстимаром. Он не отступил. Холод коснулся груди, прошел вдоль ребер и исчез. Сиверна всматривалась в него с расстояния вытянутой руки, пытаясь увидеть то, что он увидел в ней.

— Я пойду с тобой, Эстимар, — сказала она. — Пока мне интересно, почему ты остановился.

Тот повернулся к лесу и пошел первым. За спиной хрустнула оттаивающая трава, Сиверна двинулась следом, а Большак с Зорником заняли места по обе стороны от нее. Возле первых деревьев лучник снова приподнял оружие, но Боль-

шак велел опустить, и натянутая тетива ослабла. Люди расступились, пропуская Сиверну, а она прошла между ними за Эстимаром и ни к кому не прикоснулась.

Глава 4. Старый полк

За год Никита научился ходить за ними так, чтобы не попадаться на глаза раньше времени. Он знал, через какую доску в заборе пролезает Леша, где Миша сворачивает с улицы во дворы и сколько Саша ждет возле старой водокачки, прежде чем решает, что опоздавшие не придут. Оставалось понять, когда лучше выйти самому: слишком рано — отправят домой, слишком поздно — скажут, что без него уже обошлись.

Сегодня он лежал за низкой кирпичной стеной возле котельной и смотрел, как мальчишки готовятся брать чужой штаб. Саша чертил палкой на земле проходы между сараями, Миша сидел на корточках рядом и спорил, что через угольный двор короче, а Леша то отходил к воротам, то возвращался и сообщал, кого из старших видел возле гаражей. Красная тряпка торчала над крышей дровяника на другой стороне двора. Старшие привязали ее к длинной жерди и выставили двоих караулить проход, уверенные, что мелкие полезут напрямик.

— Через угольный нельзя, — сказал Леша и ткнул пальцем в нарисованный Мишей проход. — Там Витька сидит за ящиками. Я его кепку видел.

— Один сидит, — возразил Миша, передвинул камешек к стене и поставил рядом второй. — Я его задержу, а вы прой-

дете.

— Там не один, — сказал Саша, зачеркнул проход и провел новую линию за дровяником. — Витька нарочно кепку оставил. Сам небось возле флага.

Никита приподнялся, пытаясь увидеть двор поверх стены. С его места были заметны край жерди, натянутая между домами веревка с бельем и один босой мальчишка, который скучал у ворот и ковырял носком землю. Где прятался Витька, Никита не знал. Зато он слышал каждое слово Саши и заранее подбирал момент, когда можно выйти и сообщить что-нибудь полезное.

— Я могу возле ворот пройти, — предложил Леша, подобрал с земли щепку и провел ею по Сашиной линии. — Колька меня увидит и погонится. Вы в это время с другой стороны и зайдете.

— Поймают тебя, — сказал Миша, забрал щепку и воткнул возле камешка. — Их пятеро, а нас трое.

— Четверо, — поправил Леша и посмотрел прямо на стену. — Горский, вылезай. Все равно кирпичи штанами оттер.

Никита дернулся, опустил глаза и увидел белую полосу на колене. Прятаться дальше не имело смысла. Он поднялся, перелез через стену и остановился рядом, стараясь не отряхиваться при них.

— Я давно здесь, — сказал он. Саша смерил его взглядом и снова нагнулся к земле. — Я тоже могу помочь.

— Ты в прошлый раз помог, — напомнил Миша, поднял-

ся и показал на ворота. — За тобой пошли, и нас всех нашли.

— Потому что Лешка засмеялся! — Никита повернулся к нему, но тот сразу выставил ладони. — Я нормально отвел их от сарая.

— Ты крикнул, что мы спрятались не там, — сказал Леша, поднял камешек, покрутил между пальцами и бросил в пустую бочку. — Они и поняли, где искать.

Камень ударился о железо, звон разошелся по двору, и мальчишка у ворот поднял голову. Все четверо одновременно пригнулись. Никита прижался к стене рядом с Сашей и удержал дыхание, пока караульный не отвернулся.

— Сам теперь всех выдашь, — прошептал он. Леша высунул язык, а Миша толкнул обоих ниже.

— Хватит. Горский останется здесь и будет смотреть за нашим штабом, — решил Саша. Он стер ногой рисунок и указал на щель между котельной и грудой кирпича, где под старой жестянкой лежала их синяя тряпка. — Увидишь кого — свистни два раза. Не ори и никуда не уходи.

Никита хотел сказать, что сторожить тряпку может любой малыш, но Воеводин уже распределял, кто куда побежит. Мише достался узкий проход возле угольного двора, Леше — ворота, самому Саше — дровяник и жердь с чужим флагом. Они спорили только о том, успеет ли Леша добежать до забора раньше, чем старшие поймут обман. Никиту больше никто не спрашивал.

— А если сюда двое придут? — сказал он, когда Саша

выпрямился. — Одного я еще остановлю, а двоих как?

Батьков посмотрел на его руки и хмыкнул. За весь год Никита так и не сумел повторить то, что случилось с отцовской памятью. Иногда ему казалось, что он почти нащупал нужное место: в голове становилось тесно, язык немел, а человек напротив вдруг сбивался. Потом тот продолжал говорить, а Никита оставался с болью в висках и придумывал, почему сегодня не получилось.

— Свистнешь раньше, — сказал Саша, подтянул веревку на поясе и проверил, хорошо ли держится деревянный нож. — Мы вернемся.

— Я могу с вами. Лешка побежит, а я возле угольного отвлеку.

— Ты свистеть-то умеешь? — спросил Миша. Никита свистнул так громко, что мальчишка у ворот опять повернулся к котельной. — Вот и сиди. Только пока никого нет, не упражняйся.

Леша зажал рот, чтобы не рассмеяться, а Саша показал ему кулак. Они один за другим перебежали к сараям и исчезли за длинной поленницей. Никита остался возле кирпичей, откуда не видел ни чужого флага, ни товарищей. Синяя тряпка лежала под жестянкой у самой ноги. Защищать ее никто пока не собирался.

Он подождал, пока во дворе снова появились голоса. Леша выскочил из-за ворот и помчался вдоль забора, размахивая руками. Караульный заорал, позвал остальных и бросил-

ся следом. Возле дровяника показались двое старших, один свернул за Лешей, второй остался на месте и оглядел проходы. Миша вышел к нему сам, встал между сараями и раскинул руки.

Старший был выше на голову и не собирался останавливаться. Он разбежался, собираясь снести Мишу плечом, но возле прохода шаг сбился, а тело качнулось назад. Мальчишка выругался, уперся сильнее и снова не смог переступить невидимую черту. Со стороны казалось, что его держит страх ударить младшего, однако Никита видел, как побелели пальцы Миши и натянулась рубашка на плечах. Щит не двигался с места, пока Саша огибал дровяник с другой стороны.

Никита вытянул шею. Если подойти ближе, он увидит, как Саша снимет красную тряпку, а потом сможет сказать, что тоже участвовал. Свой штаб находился в нескольких шагах, двор перед ним оставался пустым, и старшие уже побежали за Лешей. Он выбрался из-за кирпичей, но вовремя вспомнил приказ и остановился.

Из-за котельной выглянула Варя. Косы были подвернуты под старую кепку Миши, колени испачканы землей, а через плечо висела сумка, с которой она ходила в школу. Девочка приложила палец к губам и пригнулась, хотя никто на нее не смотрел.

— Ты чего здесь? — Никита шагнул ей навстречу и понизил голос. — Мишка узнает, тебе попадет.

— Не узнает, если ты не скажешь, — ответила Варя, сняла

кепку, поправила растрепавшуюся косу и снова натянула ее до ушей. — Они где?

— Штаб берут. А я наш охраняю.

— Тебя оставили тряпку сторожить? — спросила она и заглянула за грудку кирпича. Никита заслонил жестянку ногой. — Значит, опять не взяли.

— Взяли! У меня важное место! Если флаг заберут, мы проиграли.

Варя присела рядом с ним и осмотрела двор. Миша все еще держал проход, старший мальчишка толкал невидимую преграду уже не плечом, а обеими руками. Саша подбирался к жерди, однако возле дровяника появился Витька и преградил дорогу. Леша вернулся от ворот, за ним бежали двое, и теперь мальчишки оказались между старшими с трех сторон.

— Сейчас поймают, — сказала Варя, отбросила с колена сухую травинку и повернула голову к котельной. — А еще один сюда идет.

Никита посмотрел туда же. За стеной никто не шумел, проход между котельной и забором оставался пустым.

— Нет там никого. Все во дворе.

— Есть! — Варя поднялась и всмотрелась в кирпичную стену, как если бы могла увидеть человека сквозь нее. — С той стороны. К нам крадется.

— Я бы услышал. Я здесь все время сижу.

— А я не услышала, — сказала она и схватила его за рукав. — Спрячь флаг!

Никита выдернул руку. Если он перенесет тряпку без приказа, Саша разозлится. Если поверит Варе и бросится звать остальных, они опять скажут, что он все испортил. За стеной по-прежнему не было ни шагов, ни голосов, и девочка могла просто угадывать.

— Сиди тихо, — велел он. Варя сердито засопела, но спорить не стала и опустилась за кирпичами.

Никита снова посмотрел во двор. Саша увернулся от Витьки, нырнул под протянутую руку и добрался до жерди. Миша оставил проход, чтобы помочь Леше, а старший мальчишка сразу двинулся следом. Еще немного, и красная тряпка окажется у них. Тогда Никита выбежит, встретит друзей и вместе со всеми вернется к своему штабу.

Варя толкнула его в бок. Из-за котельной показалась рука, легла на верхний кирпич и исчезла. Никита успел заметить грязный рукав, прежде чем мальчишка выскочил к груди и бросился к жестянке.

— Сюда! — закричала Варя, оттолкнула Никиту, прыгнула к флагу и выдернула синюю тряпку из-под железа.

Старший мальчишка схватил ее за сумку. Ремень натянулся поперек плеча, Варю дернуло назад, однако она прижала тряпку к груди и завертелась, не давая вырвать. Никита вцепился мальчишке в локоть, повис на руке и тут же получил ладонью по лбу.

— Отдай, мелкая! — потребовал тот, потянул Варю к себе вместе с сумкой и свободной рукой ухватил край флага.

— Не отдам! — она ударила его коленом, промахнулась и обеими руками вцепилась в ткань.

Никита снова схватил мальчишку, но тот легко стряхнул его. Затылок ударился о кирпич, перед глазами вспыхнуло, и несколько мгновений он не видел ничего, кроме серой пыли. Варя закричала, ткань треснула, а со двора донесся голос Саши.

Леша прибежал первым. Он не стал хватать старшего за одежду, а выбрал руку, державшую сумку, и сомкнул пальцы на запястье. Мальчишка попытался освободиться, дернул Варю сильнее и вдруг застыл, не сумев разжать пальцы. Леша переступал вместе с ним, удерживал свою выбранную цель и терпел удары по плечу, пока Миша не подскочил с другой стороны и не оторвал ремень от кулака.

— Не трогай ее! — Миша заслонил сестру и толкнул старшего к стене. Тот отшатнулся, рванулся в проход и остановился возле Лешы, который все еще держал запястье. — Климов, отпусти. Пусть валит.

Леша разжал пальцы. Мальчишка попятился, посмотрел на красную тряпку в руке Саши и свистнул своим. Через двор отозвались, старшие перестали гоняться друг за другом и начали собираться возле дровяника.

— Уходим, — приказал Саша, подхватил Никиту под руку и поставил на ноги. — Голова цела?

— Цела, — ответил тот, хотя затылок болел и в глазах еще плавали темные пятна. Он наклонился за синей тряпкой, но

Варя уже затолкала ее в школьную сумку. — Я его почти остановил.

— Ага, головой, — сказал Леша, потер ушибленное плечо и выглянул во двор. — Сейчас все сюда придут.

Они выбрались через узкую щель в заборе, перебежали улицу и спрятались за пустым голубятником. Старшие ребята остановились у котельной, покричали вслед и возвращаться за ними не стали: красный флаг остался у Саши, но синего они не получили, поэтому спор о победителе обещал растянуться до вечера.

Миша первым повернулся к сестре. Варя сняла кепку и прижала ее к груди поверх сумки, однако отступить не собиралась.

— Ты зачем приперлась? — спросил он. На колене у него была содрана кожа, рубашка вылезла из штанов, а волосы слиплись от пота. — Я тебе сколько раз сказал за нами не ходить?

— Если бы я не пришла, у вас бы флаг забрали, — ответила Варя. Она достала синюю тряпку и потрясла перед братом. — Никита его даже не заметил.

Никита открыл рот, но Саша посмотрел на него, и оправдание пришлось проглотить. Он действительно не заметил. Варя предупредила заранее, а он не поверил и ничего не сделал.

— Я штаб охранял, — сказал он. Слова прозвучали жалко даже для него самого. — Она мне мешала.

— Врешь! — отрезала Варя, сунула флаг Саше и показала на котельную. — Я сказала, что он идет. Никита ответил, что никого нет. Потом тот выскочил и меня за сумку схватил.

— Я не видел его, — Никита провел ладонью по затылку и нащупал шишку. — Ты сама не видела. Просто сказала.

— Я знала! — Варя шагнула к Саше и подняла подбородок. — Я всегда раньше знаю. Дядьку тогда с крапивой тоже знала, и мальчишку у реки, и сегодня! Если бы не я, вас бы поймали и флаг забрали! Я тоже Охотник!

Саша сложил обе тряпки, красную засунул за пояс, а синюю вернул ей. Он уже не смеялся над ее кепкой и не отправлял домой, но Никита видел, что принимать сказанное тот не собирается.

— Какой ты Охотник? — спросил Сотник. Он показал на Щита, который стоял рядом с сестрой и проверял порванный ремень сумки. — Ты Рубежник, а у меня уже есть Щит! Двух одинаковых в одном полку не бывает!

— Я не одинаковая! — Варя отбросила руку брата и снова поправила сумку. — Мишка никого не замечает! Он только встает и не пускает!

— Я все замечаю! — возмутился тот, попытался забрать у нее свою кепку, но Варя спрятала ее за спину. — И вообще, может, тебе кажется. Ты слышала, как он шел, вот и все!

— Смотрящий ваш не услышал!

Варя ткнула пальцем в его сторону и снова повернулась к брату.

— Горский много чего не слышит. Он еще не Смотрящий, — сказал Леша и сразу замолчал, когда Никита повернулся к нему. Потом потер ушибленное плечо и отошел поближе к Саше.

Варя начала перечислять все случаи, когда предупреждала их раньше остальных. Она помнила каждый: мужчину за сараем, старших возле речки, женщину, которая шла жаловаться матери, собаку за углом и сегодняшнего мальчишку за котельной. Миша возражал после каждого, но получалось все хуже. В конце концов Саша поднял руку, останавливая обоих.

— Да видишь ты, видишь, — сказал он. Варя просияла, однако Саша сразу добавил. — Только в полк все равно не пойдешь. Ты мелкая, и второй Рубежник мне не нужен.

— Нужен! — она указала на синюю тряпку. — Сегодня нужен был!

— Ты за нами вечно следишь, всюду лезешь и раньше всех вынюхиваешь, где кто спрятался. Настоящий Дозор, — Саша забрал у нее флаг и сунул Мише. — От такого не спрячешься.

— Вот и будешь Дозором, — подхватил Миша. Он наконец отнял кепку, хлопнул сестру по макушке и отступил, когда она замахнулась сумкой. — Но в полк с нами не пойдешь. Ты девчонка.

Варя замерла с поднятой рукой, медленно опустила сумку, расправила плечи и посмотрела на каждого по очереди.

— Значит, я Дозор, — сказала она. Миша попытался возразить, но сестра уже повернулась к нему спиной. — А в полк я все равно пойду! Вы без меня оба флага потеряете!

Леша рассмеялся. Саша спрятал улыбку, отвернувшись к котельной, а Миша объявил, что больше никогда не возьмет ее кепку и за порванную сумку объясняться с матерью Варя будет сама. Девочка ответила, что Дозору кепка не нужна, и пошла к дороге, гордо неся сумку с оборванным ремнем в руке.

— Дозор, домой иди! — крикнул ей Саша. Варя даже не обернулась и показала им из-за спины кулак.

Никита стоял возле голубятника и смотрел, как она удаляется. Ее не взяли. Ей снова сказали, что она маленькая, лишняя и должна сидеть дома, но теперь у нее было имя. Настоящее охотничье имя! Через несколько дней они забудут, что собирались только подразнить Варьку, но Дозор останется с ней.

— Ты приказ слышал? — спросил Саша. Никита поднял голову. — Я сказал не уходить от штаба.

— Я недалеко отошел! Оттуда все равно ничего не было видно.

— Поэтому и надо было смотреть, — сказал Миша, свернул синюю тряпку и убрал за пояс, а красная осталась у Саши. — Варька увидела.

Никита посмотрел на ссадину у него на колене, на порванную рубашку Леша и на два флага, которые они удержали без

его помощи. Еще утром он собирался доказать, что нужен им, а теперь любая попытка звучала бы еще одним оправданием.

— Я домой, — сказал он. Саша пожал плечами и повернулся к остальным, обсуждая, как заставить старших признать поражение.

Никиту никто не остановил. Он обошел голубятник, вышел на улицу и направился к дому, пока за спиной Леша снова называл Варю Дозором, а Миша кричал, что одного имени недостаточно и в настоящий полк ее все равно не возьмут.

Домой Никита вернулся перед обедом. Во дворе сушилось белье, возле крыльца стояло ведро с водой, а дверь в комнату отца была закрыта. Он снял ботинки, вытер пыль с коленей мокрой ладонью и прошел на кухню, надеясь добраться до своей комнаты незамеченным.

— Никита, — позвал отец. Дверь открылась прежде, чем мальчик успел сделать следующий шаг. — Иди сюда.

Он неохотно поплелся к Алексею Олеговичу. На столе снова лежали бумаги, перевязанные тесемками, рядом стояла чашка с чаем и пепельница с недокуренной папиросой. Отец снял очки, посмотрел на грязную рубашку и указал на стул.

— Что с головой? — спросил он. Никита сел и прикрыл шишку ладонью. — Убери руку, дай посмотреть.

— Ничего. Об кирпич ударился.

Алексей Олегович подошел, раздвинул волосы и осторож-

но провел пальцами вокруг ушиба. Никита поморщился, но не отстранился. Когда его отпустили, он увидел раскрытую папку и знакомые ровные строки, написанные отцовской рукой. Прочитать успел только одно слово — «след», — прежде чем листы закрылись.

— Голова не кружится? Не тошнит? — отец вернулся к столу и убрал папку под другие бумаги. — Зрачки у тебя одинаковые. Холод приложим, но сначала расскажешь, где был.

— Играл.

Никита поправил платок на затылке и сильнее прижал к коже.

— С кем?

Отец подвинул стул и сел напротив.

— С Сашкой Воеводиным, Мишкой и Лешкой, — Никита запнулся и добавил. — Варька тоже пришла.

Платок начал намокать, и холодная вода потекла за воротник. Отец взял чистый платок, завернул в него кусок льда и подал сыну. Никита прижал сверток к затылку, холод сразу добрался до шишки и отдал болью в висок.

— Опять не поделили, кто настоящий Охотник? — спросил отец, сел напротив и придвинул пепельницу подальше от края.

— Теперь она настоящий! — ответил Никита. — Ее Дозором называли.

— Хорошее имя.

Алексей Олегович поправил очки и попросил рассказать, за что Варя его получила. Никита ждал другого. Отец должен был усмехнуться, сказать, что семилетняя девчонка ничего не понимает, и напомнить: имя еще не делает человека Охотником.

— Следила она за нами. Она всегда следит, — сказал Никита и сильнее прижал лед. — Заметила мальчишку за котельной. Мы его не видели, а она сказала, что он идет.

— И он пришел?

Отец забрал платок и снова завернул подтаявший лед сухой стороной ткани.

— Пришел. Она просто угадала.

— Несколько раз подряд?

Он вернул холодный сверток Никите и сел на прежнее место. Никита промолчал. Отец забрал платок, развернул, проверил подтаявший лед и снова приложил к ушибу. Его пальцы пахли табаком и бумагой, а на среднем темнело чернильное пятно.

— Не называй случайностью то, что тебе неприятно признавать, — сказал он. — Зависть мешает видеть даже обычному человеку.

— Я ей не завидую!

Никита сказал это слишком громко и сам поморщился от боли в затылке.

— Тогда почему сердишься?

Отец придвинул к себе чашку, но пить не стал. Никита от-

вернулся к окну. На стекле сидела муха, ползла вверх, срывалась и снова цеплялась лапками за гладкую поверхность. Во дворе женщина снимала белье и ругалась на ветер, который выворачивал простыни из рук.

— Потому что она маленькая, — сказал он. — Ее даже в полк не взяли. Сказали, двух Рубежников не бывает и у Сашки уже есть Щит. А имя все равно дали.

— Значит, увидели в ней что-то, чему имя понадобилось. Отец отодвинул чашку и снова поправил платок на его затылке.

— А во мне ничего нет, — Никита снял платок и положил на стол. Вода сразу прошла через ткань и оставила темное пятно на дереве. — За целый год ничего! Тогда с чашкой ты сам забыл. Я больше ни разу не смог.

Отец замер, не донеся папиросу до пепельницы. Никита никогда не признавался ему, что перестал верить. Гораздо легче было рассказывать ребятам про внезапную боль в голове, изменившееся лицо и память, которая послушалась его желания. Теперь выдуманные подробности застряли в горле, и он опустил голову.

— Почему раньше не сказал? — спросил отец и потушил папиросу, хотя та давно погасла.

— Ты бы опять сказал ждать.

Никита соскреб ногтем каплю воды, добравшуюся до края стола.

— А ты что делал?

Отец снова снял очки и положил рядом с папирсой.

— Пытался. На тебе, на соседях, на мальчишках. Ничего не получилось, — Никита вытер воду со стола ладонью и сразу испачкал рукав. — Сашка уже Сотник, Мишка Щит, Лешка Климов. Теперь и Варька Дозор. У всех есть кровь, а у меня нет! Может, я вообще не твой...

Отец ударил ладонью по столу. Чашка подпрыгнула, чай выплеснулся, а Никита вжался в спинку стула.

— Никогда так не говори! — потребовал отец, поднялся, сделал несколько шагов к окну и вернулся. — Слышишь меня? Никогда!

— Тогда почему во мне ничего нет? — Никита тоже вскочил. Стул качнулся и упал на пол, но он не стал поднимать. — Ты настоящий Смотрящий! Тебя слушают, ты с полком ходишь, ты все видишь! А я даже их штаб не смог уберечь!

— Вот именно, что я Смотрящий. Ты не сможешь залезть в голову Охотнику! Только если дар еще не проснулся. А кровь не обязана просыпаться тогда, когда тебе захотелось!

Отец удержал его за плечо, когда Никита попытался пройти к двери.

— У всех обязана, а у меня нет? — голос сорвался, глаза зашипало, и Никита отвернулся. — Я не хочу ждать, пока они вырастут и уйдут без меня! Сашка настоящим Главным станет, у него уже все будут! Щит, Климов, Дозор! Я ему потом не нужен буду.

— Нужен, — улыбнулся Алексей Олегович. — Главному

всегда нужен Смотрящий. Он его правая рука. А как без руки?

Отец поднял стул и поставил возле стола. Он больше не повторял, что всему свое время, прошел к шкафу, достал из кармана ключ и открыл нижнюю дверцу, которую Никите запрещалось трогать. За ней лежали толстые папки, несколько тетрадей и деревянная коробка с потемневшей медной защелкой. Никита вытер щеки прежде, чем отец обернулся. Тот вынул коробку, поставил на стол и несколько мгновений держал ладонь на крышке.

— Я покажу тебе кое-что одно. Но ты пока забудешь про игры с памятью и не станешь пробовать без меня. Если кровь еще не готова, силой ты ее не вытащишь.

Никита вернулся к стулу. Сердце колотилось так сильно, что защелка дрогнула перед глазами, когда отец открыл коробку. Внутри лежали мелкие вещи: медная пуговица, обломок цепочки, черный камень, старый ключ и сложенная вчетверо полоска ткани. Ни одна не выглядела особенной.

— Это твое? — спросил Никита и протянул руку, но отец закрыл коробку ладонью.

— Сейчас отвернись.

Алексей Олегович дождался, пока Никита повернется к окну. За спиной скрипнула крышка, и звякнул металл, отец прошел по комнате и вернулся к столу. Шаги он намеренно делал громче, чем обычно, и Никита пытался считать: три к шкафу, два к дивану, четыре обратно. Однако отец мог по-

ложить вещь по дороге, спрятать в карман или вообще не вынимать.

— Ищи, — сказал он.

Никита услышал, как стул отодвинулся от стола. Он обернулся. Коробка была закрыта, руки отца лежали на столе ладонями вниз. В комнате ничего не изменилось: бумаги, чашка, стулья, диван и шкаф оставались на своих местах.

— Что искать?

Он обвел комнату взглядом и вернулся к закрытой коробке.

— Ключ.

Никита сразу посмотрел на его карманы. Правый оттопыривался, но так было и раньше: там отец носил связку от шкафа и входной двери. Под столом ничего не блестело, диванная подушка лежала ровно, на подоконнике стояли только часы и блюдце с окурками.

— В коробке, — сказал он.

Отец даже не повернул головы к медной защелке.

— Ты не смотришь. Ты угадываешь.

— А как надо?

Мальчик снова посмотрел на карманы и не нашел никакой подсказки. Отец поднял коробку и переставил на край стола. Под ней ключа не было.

— Смотрящий замечает скрытое. Не обязательно саму вещь. Иногда остается путь, иногда человек держит при себе правду и старается закрыть ее, иногда место выдает то, че-

го там быть не должно. Если заранее выберешь ответ, кровь будет молчать, а ты станешь подгонять под него все, что видишь.

Никита снова осмотрел комнату. Теперь каждая мелочь казалась подсказкой: сбитая складка на покрывале, приоткрытая дверца шкафа, крошка земли возле ножки стула. Он бросился к дивану, поднял подушку и провел рукой под покрывалом. Ключа не было.

— Я же сказал, не угадывай, — напомнил отец.

Он оставался у стола, не помогал и не показывал, куда смотреть.

— Я не угадываю! Ты к дивану ходил!

— Я ходил по всей комнате. Закрой глаза.

Никита выпрямился. С закрытыми глазами комната исчезла, а вместе с ней и последние возможности найти спрятанное. Он услышал тиканье часов, шум во дворе и скрип отцовского стула.

— А теперь что?

Отец велел не торопиться и вспомнить не шаги, а то место, на котором внимание остановилось само.

— На шкафу.

— Почему?

Он не разрешил открыть глаза и повторил вопрос.

— Потому что ты оттуда коробку достал.

Никита уже представлял ключ на верхней полке возле папок.

— Значит, опять выбрал сам. Открой глаза и начни заново.

Никита открыл. Отец не сердился, но от этого становилось хуже. Мишка удержал собаку с первой попытки, Варька замечала опасность, не зная никаких правил, а ему даже после объяснения показывали на ошибку за ошибкой.

— Ничего нет, — сказал он. — Я не вижу.

— Сегодня можешь не увидеть.

Отец говорил без раздражения, но Никита все равно услышал отказ.

— Тогда зачем начал?

Мальчик повернулся к нему. Отец отвел взгляд к закрытому шкафу. Никита успел это заметить и сразу подошел туда, распахнул верхнюю дверцу, проверил полки и одежду. Ключа не оказалось.

— Ты посмотрел сюда! — обвинил он. — Нарочно посмотрел!

— Вот поэтому на человека смотреть труднее. Ты цепляешься за каждый жест и принимаешь его за указание крови.

— Но ты же знаешь, где ключ!

Никита приблизился и попытался поймать направление его взгляда.

— Знаю.

Отец намеренно смотрел только на сына.

— Значит, можешь думать о нем! А я увижу.

Тот снял очки и потер переносицу, подозвал Никиту, по-

ставил перед собой и взял за плечи.

— Посмотри на меня. Не ищи ключ и не думай, куда бы я мог его убрать. Я буду говорить, а ты слушай, где правда перестает совпадать со словами.

Никита поднял голову. Карие глаза отца были совсем близко, на левой щеке темнела полоска от чернил, которой тот не заметил. Смотреть долго оказалось трудно. Хотелось опустить глаза, отойти или спросить, что именно должно измениться.

— Ключ не в шкафу, — сказал отец. — Не возле окна. Не под бумагами. Не в коробке.

Мальчик слушал каждую фразу и ничего не чувствовал. Голос оставался одинаковым, руки на плечах не двигались. После последнего отрицания отец замолчал.

— Еще раз, — попросил Никита. Тот повторил, поменяв порядок. — Под бумагами.

— Почему?

Отец по-прежнему держал его за плечи.

— Ты там медленнее сказал.

Никита указал на бумаги, уверенный, что на этот раз угадал.

— Нет.

Отец отпустил его плечи и отошел к столу.

— Тогда возле окна!

Никита метнулся к подоконнику, но сразу остановился и стиснул зубы, чтобы не заплакать снова. Урок закончился та-

ким же ничем, как целый год попыток.

— Ты сказал, что покажешь! — напомнил он.

Отец снял с подоконника блюдце и поставил перед сыном.

— Показал начало. Смотрящий не получает готовый ответ, Никита. Никогда. Он учится различать то, мимо чего другие проходят.

— Я ничего не различил!

Он отвернулся, чтобы отец не увидел мокрые ресницы. Тот провел пальцем по краю блюдца и развернул его. Под фарфором лежал маленький старый ключ. Никита уставился на него, а потом на темный круг от чая, который блюдце оставило на подоконнике.

— Оно стояло у окна! Ты его переставил!

— Да.

Отец коснулся пальцем темного круга на подоконнике. Мальчик схватил блюдце и перевернул. На дне осталась пыльная полоса, а возле пепельницы виднелся чистый круг. Он мог заметить это сразу. Мог вспомнить, что блюдце стояло рядом с часами, пока отец прикладывал лед к голове. Но вместо этого смотрел на карманы и диван, потому что сам решил, где спрятали ключ.

— Это не кровь. Любой мог увидеть.

— Мог, но не увидел. Дар не заменит тебе голову и глаза. Он заставит остановиться там, где другой пройдет, однако ты должен научиться ему не мешать.

Отец положил ключ в коробку и закрыл крышку. Никита

следил за пальцами и старался запомнить каждое движение.

— А если я замечу без крови?

Он положил блюдо на прежнее место и сравнил края пятна.

— Значит, заметишь. Смотрящий обязан проверить то, что увидел, а не хвастаться способом. Ошибка от верного ответа не становится безопаснее.

— Сашка сказал, что Главному нужен Смотрящий.

Никита провел пальцем по медной защелке, прежде чем отец убрал коробку. Его руки остановились на защелке.

— Вы играете. Александр повторяет то, что слышит дома. Не торопитесь становиться теми, кем еще не умеете быть.

— Он уже Сотник! За ним все идут.

— Поэтому рядом с ним особенно опасно притворяться тем, кем не являешься.

Алексей Олегович защелкнул коробку и оставил ладонь на крышке. Никита провел пальцем по мокрому пятну на столе.

— Я не притворяюсь.

— Тогда тебе нечего бояться. Завтра попробуем еще раз, если голова не будет болеть.

Отец убрал коробку в шкаф, повернул ключ и спрятал связку в карман. Потом собрал бумаги и отнес их к окну, не замечая, что Никита смотрит не на папки, а на чистое место возле пепельницы. Темный круг выдавал переставленное блюдо даже сейчас.

— А про след расскажешь? — спросил Никита. Отец обернулся слишком резко. — У тебя на листе было написано.

— Чужие бумаги читать нельзя.

— Я случайно увидел.

Отец несколько мгновений разглядывал его, потом убрал папку в шкаф к коробке. Ключ повернулся дважды, и дверца плотно встала на место.

— Вот когда научишься отличать случайно увиденное от того, куда полез сам, тогда и поговорим о следах. Сейчас иди умойся и рубашку замочи, пока грязь не въелась.

Никита поднялся, но возле двери остановился. Отец снова надел очки и вытирал со стола разлитый чай. Теперь ожидание следующего дня не казалось пустым обещанием.

— Пап, — позвал он. Алексей Олегович поднял голову. — Я научусь.

— Знаю, — сказал тот, улыбнулся и протянул руку, но Никита уже вышел в коридор, чтобы не расплакаться при нем.

До вечера он несколько раз возвращался мыслями к ключу. За обедом следил, куда отец переставляет солонку, заметил трещину на ручке кувшина и увидел, что коробок спичек оказался в другом кармане. Обычные вещи вдруг начали оставлять следы, которых раньше Никита не искал. Он не знал, отзывалась ли кровь, и постепенно перестал задавать себе этот вопрос.

Утром шишка на затылке болела меньше. Отец ушел раньше, оставив на столе записку с требованием не лезть к шка-

фу, деньги и сетку для хлеба. Никита взял их и пошел длинной дорогой мимо двора Воеводининых, заранее зная, что домой вовремя не попадет.

Саша, Миша и Леша сидели возле сарая. Красная тряпка висела на гвозде над их головами, синяя лежала у Саши на коленях, а Варя стояла напротив и требовала отдать ей флаг, который спасла она. Миша держал сестру за лоб вытянутой рукой и не позволял дотянуться.

— Дозор опоздал, — сказал Леша, заметив Никиту. Варя перестала толкать брата и поправила косу.

— Я не опоздала. Я за вами следила.

— Из своего двора? — Миша отпустил ее и спрятал синюю тряпку за спину. — Мама тебя одну не выпустила.

— Все равно следила!

Варя гордо вскинула голову и подошла ближе к красному флагу. Саша увидел Никиту и снял красный флаг с гвоздя. Вчерашней злости на его лице не осталось, однако к рисунку на земле он не позвал.

— Голова как? — спросил он. Никита ответил, что нормально, и поставил сетку возле стены. — Мы сегодня старшим оба флага вернем. Они признали, что красный наш, а синий мы удержали.

— Я удержала! — напомнила Варя.

Миша сунул тряпку ей в руки и велел отнести, раз она теперь Дозор.

— Я тоже пойду, — сказал Никита.

Саша пожал плечами, соглашаясь, и протянул ему красный флаг. Никита взял ткань, но уходить никто не спешил. Леша вертел в пальцах медную монету, подбрасывал и ловил тыльной стороной ладони. Вчера Никита не обратил бы внимания, однако теперь заметил, что тот всякий раз закрывает монету правой ладонью, а смотрит на левую.

— Чего ты там прячешь? — спросил он. Леша остановился и показал обе руки. Монеты не было. — В правом рукаве.

Леша встряхнул рукой. Медяк выпал на землю и покатился к ящику. Миша наступил на него раньше, чем Леша успел поднять.

— Как увидел? — спросил он.

Никита посмотрел на складку рукава, где ткань еще не расправилась, и вспомнил отцовское предупреждение.

— Просто увидел.

— Врешь. Я сам не заметил, когда он спрятал, — Миша поднял монету и перебросил Саше. — Еще раз сделай.

Леша забрал медяк, велел Никите отвернуться и несколько раз хлопнул ладонями по карманам. Потом мальчишки поменялись местами. Никита слышал шорох одежды, тихий смех Вари и специально громкие шаги Миши.

— Смотри, — разрешил Саша.

Миша сразу перестал шаркать ботинком и замер рядом. Все четверо стояли перед ним. Леша держал руки на виду, Миша сунул ладони в карманы, Варя прижимала к груди сумку, а Саша почесывал подбородок. Монета могла быть у

любого.

Никита сразу выбрал Мишу. Тот слишком старательно прятал руки и улыбался, ожидая, что его назовут. Потом вспомнил вчерашний урок и заставил себя посмотреть на остальных. На пальцах Леши осталась зеленоватая полоса, значит, монету он передавал. Варя сердилась, что ее втянули в игру, и держала сумку обеими руками, не касаясь карманов. Саша стоял дальше всех и делал вид, что происходящее его не интересует.

Возле его правого ботинка лежала свежая крошка земли. Такая же прилипла к колену, хотя до игры Саша сидел на ящике и штаны оставались чистыми. Никита посмотрел на землю между досками. Один комок был разломан, в узкой щели темнело круглое углубление.

— Монета не у вас, — сказал он. Миша перестал улыбаться. — Саша в землю спрятал. Возле ящика.

Варя первой бросилась к щели, раздвинула землю пальцами и вытащила медяк. Леша присвистнул, Миша вынул пустые руки из карманов, а Саша перестал улыбаться и развернулся к Никите.

— Ты видел, как я прятал?

— Я же отвернулся.

Никита развел руки, показывая, что ничего не мог подсмотреть.

— Тогда откуда знаешь?

Саша больше не вертел монету и ждал ответа. Никита

сжал красную тряпку и почувствовал, как под ладонью собирается пот. Он мог рассказать про землю, грязное колено и зеленый след на пальцах Леша. Но тогда Саша кивнет и скажет, что это любой мог заметить.

— Я увидел, — ответил Никита.

Саша не засмеялся, не потребовал доказательств и не отвернулся к Мише. Он положил монету на ладонь и попросил показать еще раз.

Глава 5. Новый полк

Батьков пришел в себя от голоса Горского, который за дверью объяснял кому-то, что пять минут не считаются посещением и умирать в палате он не собирается, потому что койка уже занята. Женщина отвечала строже и тише, Добрыня перебивал, дверь несколько раз дернулась, а потом распахнулась, пропуская его внутрь вместе с недовольным окриком медсестры.

— Пять минут, — предупредила она и указала на Стаса. — Разговаривать ему нельзя, волноваться тоже, вставать тем более. Если позовет — выйдете сразу.

— Он меня не позовет, — сказал Горский и прикрыл дверь перед ее рукой. — Я ему нравлюсь.

Стас попробовал усмехнуться, но боль прошла от груди под лопатку и заставила прижаться затылком к подушке. Повязка стягивала ребра, при каждом вдохе внутри царапало, а левая рука слушалась неохотно из-за иглы под пластырем. Добрыня остановился у кровати, оглядел его и сразу отодвинул стул подальше, когда Батьков повел пальцами по простыне, собираясь приподняться.

— Даже не думай! Наташка велела тебя к койке привязать, если начнешь изображать здорового.

— Сам как? — Стас выговорил это на одном выдохе и поморщился. Горский коснулся уха, возле которого еще оста-

валась подсохшая ссадина, и уселся на стул.

— Голова трещит, нос цел, в башке теперь слишком много всякого, а жена считает, что я обязан лежать рядом с тобой. Значит, жить буду, назло вам всем.

Он говорил привычно, однако ладонь на колене подрагивала, а под глазами легли темные круги. Стас помнил кровь на воротах, скользкий лед под ногами и плечо Добрыни, за которое держался, пока из груди вытекало тепло. Потом осталась вода, чужие руки и обрывки голосов, а больница началась уже с белого потолка, кислорода возле губ и Натальи, которая повторяла, что операция закончилась и он обязан дышать.

— Давно я здесь?

Горский посмотрел на часы и переставил стул ближе.

— Почти сутки. Несколько раз просыпался, но толку от тебя не было. Ты спросил про Стасю, послал на хрен врача и снова отключился.

— Не посылал я никого. Не звезды.

— Вот он тоже так говорит. Видимо, вы оба были без сознания.

Стас прикрыл глаза и дождался, пока боль перестанет подниматься к горлу. В памяти оставалась Келья, белое лицо над черной плитой и крик, от которого трескался камень. Потом приходил мокрый берег, руки Рамона на его куртке и Оксана, прижимавшая сына к себе. Она обещала дождаться, а Стас обещал вернуться за ней, хотя понятия не имел, как ис-

полнит это обещание.

Горский перестал ерзать на стуле и положил локти на колени. Он пришел не для того, чтобы проверить повязку или рассказать, сколько Батьков проспал, и тот видел это по тому, как Добрыня несколько раз начинал говорить, но вместо слов проводил ладонью по шраму.

— Оксана? — спросил Стас, когда ждать стало бессмысленно. Горский потер ладонью затылок и придвинулся еще ближе.

— Живая. Дышит сама, врачи говорят, состояние стабильное, но не просыпается. Ударов по голове не нашли, остальное тоже проверили. Они не понимают, почему она в коме.

Батьков смотрел на край одеяла, где белая ткань сбилась возле неподвижной руки. Оксана лежала через несколько палат, врачи искали причину ее состояния в анализах и снимках, а она ждала Рамона на мокром берегу, куда никто из них не умел вернуться.

— Рамон с ней?

Добрыня кивнул и сразу продолжил, не оставляя ему времени на следующий вопрос.

— Не отходит. Сидит возле кровати, держит ее за руку и разговаривает. Врачи выгоняют, когда мешает осмотру или уже сам начинает падать, Хлыстов уводит его поесть, а через полчаса пацан возвращается. Сегодня Андрюха принес ему одежду и чуть не запихнул в душ силой.

— Он должен поспать.

— Скажи ему об этом сам. Меня послал, Вихрова послал, Хлыстову сообщил, что без него Оксана останется одна и обязательно уйдет дальше. Наташку слушает минут пять, а потом опять сидит возле матери.

Стас повернул голову к окну. За стеклом виднелся серый корпус напротив, в нескольких окнах горел дневной свет, на подоконнике лежала чья-то забытая маска. Рамон нашел мать совсем недавно, успел назвать ее мамой и поверить, что больше не придется ждать, когда она вернется. Теперь он сидел возле живого тела, из которого Оксана ушла, потому что Стаса нужно было вытащить к остальным.

Он вдохнул глубже и тут же пожалел об этом. Мальчишка привел его с мокрого берега, отбивался до последнего и все равно сделал то, о чем просила мать. Стас вернулся к своим, а Рамон заплатил за это человеком, которого только недавно успел обрести.

— Батя, — позвал Горский и взялся за край стула. — Даже не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Вот и не говори! У тебя сейчас такое лицо, как будто ты собираешься наказать себя за все несчастья Руднограда разом.

Стас повернул к нему голову. Добрыня выдержал взгляд, хотя пальцы на стуле сжались крепче, и первым не отступил.

— Она из-за меня осталась. Рамон опять один из-за меня.

— Он не один. И она не умерла.

— Ты знаешь, где она.

— Знаю. Поэтому и говорю: не умерла, — Горский подался вперед и уперся локтями в колени. — Пацан обещал ее вернуть. С таким выражением, что Навь уже может начинать бояться.

Стас вспомнил Рамона у воды: мокрые волосы прилипли ко лбу, одна нога поднята над темной гладью, а сам торгуется с мертвым человеком и угрожает прыгнуть неизвестно куда. Если мальчишка решил вернуть мать, он полезет за ней один, едва поймет, как открыть путь. Остановить его приказом не получится, а оставить без помощи Стас уже не сможет.

— Где Стася?

Горский откинулся на спинку и отвел руку от стула.

— Здесь.

— Где именно?

— По больнице шкерится. У Оксаны была, к тебе не идет. Боится походу.

Стас провел языком по пересохшим губам. Воды на тумбочке не было, а до кнопки вызова он дотянулся бы только правой рукой, если бы повернулся, чего тело сейчас не позволяло. Горский заметил, налил воду из бутылки и поднес стакан с трубкой, не произнеся ни одной шутки. Стас сделал несколько глотков и отодвинул его ладонь.

— Найди ее и приведи.

— Силком тащить, что ли?

— Я чувствую, что она специально не идет. Приведи ее ко мне, Добрыня.

Тот поставил стакан, поднялся и поправил рукав. У двери оглянулся, проверил, не собирается ли Батьков воспользоваться его отсутствием и встать, затем пригрозил позвать Наталью и вышел в коридор.

Стас остался слушать шаги за стеной и считать вдохи, на которых боль не доходила до плеча. Он не знал, что скажет Стасе, когда она войдет. Все нужное он уже прокричал ей в Келье, лежа возле ее ног, и там каждое слово казалось единственным способом вернуть ее. Теперь повторить их было труднее.

В коридоре проехала тележка, кто-то остановился возле двери и ушел дальше. Потом донесся голос Горского, сначала далекий, потом совсем рядом.

— Батьков тебя зовет.

Стася ответила тише, он не разобрал слов, но Добрыня сразу повысил голос:

— Ему нельзя волноваться, поэтому ты сейчас зайдешь и прекратишь заставлять его волноваться! Очень сложное лечение, понимаю.

— Добрыня, я не могу...

— Ногами до двери можешь дотопать. Дальше разберетесь сами.

— Ему лучше без меня.

— Он сейчас полезет тебя искать, разорвет швы и сдохнет уже окончательно! Тогда будешь рассказывать, как заботилась о его здоровье! В палату, Стася. Бегом.

Дверь открылась. Горский пропустил Стасю вперед, показал Батькову большой палец и исчез раньше, чем девушка успела обернуться. Снаружи он сообщил медсестре, что посетитель сменился и ее условия не нарушены, после чего голоса удалились к посту.

Стася осталась возле двери. На ней были широкие больничные штаны и темная кофта, явно принесенная Натальей; влажные волосы лежали на плечах, обе ладони закрывали свежие повязки. Она смотрела на Стаса так внимательно, что он невольно проверил, прикрыта ли грудь, и только потом заметил, как ее пальцы впились в бинты.

— Подойди... пожалуйста...

Стася сделала один шаг и остановилась возле стены.

— Тебе разговаривать нельзя. Я только посмотрю и уйду.

— Уже посмотрела. Иди сюда.

Она приблизилась к кровати, но стул оставила на месте и сесть не попыталась. Стас протянул руку, Стася опустила взгляд на его пальцы и убрала свои за спину.

— Руки обморозила? — спросил он. Девушка покачала головой, а потом кивнула, поймав его взгляд.

— Немного. Ничего серьезного.

— Покажи.

— Наташа уже обработала. Там смотреть не на что.

— Тогда дай руку.

Стася не сдвинулась с места. Стас подождал, но левая рука начала дрожать от напряжения, и пришлось опустить ее на одеяло. Девушка тут же шагнула ближе, поправила край простыни возле запястья и отдернула пальцы прежде, чем он успел коснуться.

— Я тебя не боюсь, — сказал Стас. Она застыла возле кровати, продолжая смотреть на его руку.

— Зря.

— Это мне решать.

— Ты не видел, что там было.

— Видел достаточно.

Стася покачала головой. Ее взгляд скользнул по повязке на груди, задержался там, где под тканью уходила рана, и она отступила.

— Я ничего не слышала. Не видела вас, не чувствовала, что делаю. Там мог умереть Рамон, Оксана, Наташа, все остальные. Ты вернулся, а я едва не убила тебя снова...

— Но не убила же.

— Потому что ты меня остановил! А если тебя рядом не окажется? Если я опять сорвусь и уже никого не услышу?

Она говорила негромко, но с каждым словом отходила дальше, пока спиной не коснулась стены. Стасу хотелось подняться, взять ее за плечи и прекратить этот разговор одним движением, однако даже глубокий вдох заставил прижать локоть к боку.

— Тогда будем искать другой способ, — сказал он.

— Кто будет искать? Ты? Опять полезешь ко мне, когда я стану убивать всех вокруг?

— Если понадобится, обязательно полезу.

— А мне не понадобится! — Стася прижала перевязанные ладони к груди и тут же опустила, заметив, куда смотрит Стас. — Я не могу остаться рядом и ждать, когда это повторится!

— Значит, решила уйти.

Она не ответила. За дверью прошли двое, в коридоре кто-то засмеялся и получил замечание медсестры, а Стася стояла возле стены, подготовившая все слова заранее и теперь не способная произнести главное.

— Когда? — спросил Стас. Девушка подняла голову.

— Тебе надо поправиться.

— А потом исчезнешь?

— Так будет безопаснее.

— Для кого?

— Для тебя. Для всех.

Стас провел ладонью по одеялу и остановился возле края. Стася следила за ним, готовая броситься сразу, если он попытается сесть, но подойти сама не решалась.

— Ты опять за меня все решила? — спросил он.

— Я чуть тебя не убила...

— Меня убил Кзальдр. Не ты.

— Я уничтожила его и не остановилась! Если бы ты не

пришел...

— Пришел же.

— В следующий раз можешь не успеть!

Боль ударила под ребра, когда Стас все-таки приподнялся на локте. Стася оказалась возле него сразу, подхватила за плечо и попыталась уложить обратно, забыв спрятать руки. Он перехватил ее левое запястье и удержал, пока она не перестала тянуться к подушке.

— Посмотри на меня, — потребовал Стас. Стася подняла глаза, и он продолжил, экономя воздух между словами. — Я вернулся не для того, чтобы ты от меня сбежала.

— Ты не понимаешь, что осталось во мне...

— Понимаю больше, чем ты думаешь.

Она попыталась высвободить руку, но он не отпустил. Сил удержать ее не осталось, и все же Стася сама перестала тянуть.

— Тогда должен понимать, почему я не могу быть рядом.

— Нет! Я понимаю, почему тебе страшно. Остальное ты придумала за меня.

— Стас...

— Я сказал тебе в Келье правду. Не слова, которые пришлось сказать, чтобы ты остановилась. Правду!

Стася замерла. Он чувствовал под пальцами тугой край повязки и слабое движение пульса, видел, как она старается не смотреть на его грудь, и не собирался снова доказывать уже сказанное другими словами.

— Я опасна, — тихо произнесла она.

— Знаю.

— Оно никуда не ушло.

— Знаю.

— И ты все равно хочешь, чтобы я осталась?

— Я для этого с того света и вернулся.

Она закрыла глаза и наклонила голову. Несколько прядей упали на щеку, Стас поднял руку, но до волос не дотянулся, и Стася сама перехватила его пальцы. Держала осторожно, не позволяя коснуться бинтами кожи, а потом прижала его ладонь к виску.

— Я не знаю, как с этим жить, — сказала она.

— Я тоже. Разберемся.

— А если не сможем?

— Тогда поругаемся. Горский поможет, у него получается.

Стася всхлипнула и неожиданно рассмеялась, сразу зажав рот плечом. Стас почувствовал, как вместе со смехом дрогнула ее рука, и провел большим пальцем по краю бинта.

— Сядь рядом, — попросил он. Она осторожно вернула его руку на одеяло и отодвинула стул к кровати.

— Только пока ты не уснешь.

— Потом тоже.

Стася села, однако через несколько мгновений поднялась и поправила подушку, потому что Стас продолжал лежать неудобно. Он позволил уложить себя, дождался, пока боль

ослабнет, и снова нашел ее пальцы на краю кровати.

— Мне надо будет уйти, — сказала она, не отнимая руки.
— Хотя бы к Оксане.

— К Оксане пойдешь. От меня не уйдешь.

Стася посмотрела на дверь. Ее пальцы выскользнули из его ладони, она поднялась, дошла до порога и положила руку на ручку.

— Останься, — сказал он. Пальцы Стаси замерли, так и не нажав на ручку, а сама она несколько мгновений стояла к нему спиной, потом вернулась, опустилась на стул и положила перевязанные ладони рядом с его рукой.

— Пока ты не уснешь, — повторила она.

Стас переплел пальцы с ее пальцами и закрыл глаза. Стася больше не пыталась уйти.

Горский нашел Климова в конце коридора возле закрытого окна. Алексей стоял боком, засунув руки в карманы, и смотрел на больничный двор, где между корпусами разгружали машину с бельем. Услышав шаги, он немного повернул голову, узнал Добрыню и снова уставился за стекло, словно надеялся, что тот пройдет мимо.

— Потом закончилось, — сказал Горский.

Климов вынул руки из карманов и развернулся. На щеке возле шрама дернулась мышца, однако больше он ничем не показал, что помнит их последние слова в Келье.

— Батьков очнулся?

— Очнулся. Стасю я к нему загнал, так что минут десять у нас есть.

Алексей посмотрел в сторону палаты. Отсюда двери не было видно, но путь к ней Добрыня различал отчетливо: тот начинался возле ног Климова, проходил через весь коридор и не обрывался у палаты, возвращаясь к лестнице, по которой можно было спуститься к Оксане и Волковой. Алексей мог сколько угодно торчать у окна и делать вид, что задержался здесь случайно, но уходить из больницы он не собирался.

— Ты меня вспомнил, — сказал Климов.

— Частями.

Добрыня остановился возле стены. Голова до сих пор болела, кровь несколько раз снова начинала идти из носа, а Наталья перед уходом пригрозила лично уложить его в соседнюю палату, если он еще раз полезет в чужую память. Сейчас он никуда не лез. Обрывки сами толкались изнутри, стоило посмотреть на человека со шрамом: темная комната, отцовский голос и Климов, который стоял возле двери, ожидая приказа.

— Ты был рядом с моим отцом, — продолжил Горский.
— Я был маленький, но тебя помню.

— Тебе нельзя сейчас пытаться вытянуть остальное.

— А тебе нельзя указывать, что мне делать.

— Я видел, что с тобой происходит, когда память возвращается.

— Ты много чего видел и много лет помалкивал. Еще немного потерпишь.

Климов оттолкнулся от подоконника и сделал шаг к нему. Добрыня не сдвинулся, хотя пол опять качнулся, а боль добралась до затылка и неприятно дернула возле правого уха.

— Я не знаю, что именно он с тобой сделал, — сказал Алексей. — Если полезешь напролом, можешь себе навредить.

— Значит, рассказывай сам.

Климов остановился. Добрыня ждал, но тот снова повернул голову к окну и провел ладонью по шраму от виска к подбородку. За стеклом хлопнула дверца машины, двое рабочих понесли к корпусу свертки с бельем, возле служебного входа закурил водитель. Алексей следил за чужими движениями, лишь бы не смотреть на человека, который видел его решение остаться в полку еще до того, как он сам согласился его признать.

— Мой отец архивариус, — сказал Горский. — Кто он?

Климов не ответил.

— Я же все равно узнаю. Можешь заставить меня вытаскивать по одному обрывку, истекать кровью и вспоминать, что вы оба со мной сделали. Но в конце я узнаю.

Алексей резко повернулся.

— Я с тобой ничего не делал!

Голос ударился о стены, медсестра возле поста подняла голову, и Климов понизил его, хотя назад не отступил.

— Я не трогал твою память. Даже не знал, что он туда полез.

— Зато потом узнал.

— Потом было уже поздно.

— Для кого?

Климов закрыл рот и отвернулся. Добрыня сделал еще шаг, сокращая расстояние между ними.

— Кто он?

— Цензор.

Алексей произнес имя человека, рядом с которым прожил почти сорок лет, и сам поморщился, как если бы только теперь услышал, во что оно превратилось.

— Что это значит?

— Он главный у архивариусов.

— Главный?!

— Не путай с Батьковым. У архивариусов нет полка и никогда не было Главного. Цензор руководит всеми отделами, получает дела, решает, что оставить полиции, а что забрать, кого отстранить и где провести зачистку. Без его решения никто ничего не делает.

— И ты тоже.

Климов посмотрел на него.

— И я.

Добрыня оттолкнулся от стены и подошел ближе. Воспоминание шевельнулось, показывая край большого стола, отцовскую руку поверх закрытой папки и мужской силуэт воз-

ле двери. Лица снова не было. На его месте оставалось пустое пятно, закрытое так тщательно, что боль начиналась от одной попытки посмотреть.

— Когда ты пришел к нам, сказал, что он приказал зачистить Волкову, — произнес Горский. — Зачистить — это убить?

Климов отвел взгляд.

— Сейчас да.

— А раньше?

— Раньше это означало другое.

— Как удобно.

Алексей дернулся и развернулся к нему всем телом.

— Думаешь, мы ездили по городу и убивали всех, кто увидел нечисть?

— Я пока вообще не знаю, что вы делали. Поэтому спрашиваю.

— Мы убирали следы! — Климов говорил уже громче, забыв о медсестре возле поста. — Изымали материалы, закрывали дела, меняли то, что люди не могли объяснить. Если человек видел слишком много, Цензор подчищал память о необъяснимом. После этого люди возвращались домой, к семьям, на работу и больше не искали то, что могло их убить.

— А если снова начинали искать?

— Мы останавливали.

— Как?

— Забирали новые материалы, закрывали дороги, не пус-

кали к местам, где оставалась нечисть. Я следил, чтобы человек не вернулся туда один и не потащил за собой других.

— А Цензор опять лез ему в голову?

Климов сжал край подоконника и сразу убрал руку.

— Если было нужно.

— И ты считал это нормальным?

— Я считал, что мы защищаем людей!

В соседней палате кто-то позвал медсестру. Женщина за постом встала и ушла на голос, а Климов проводил ее взглядом, дождался, когда дверь закроется, и заговорил тише:

— Ты видел, что делает нечисть. Видел людей, которые после одной встречи уже не могут жить как раньше. Они начинают искать объяснения, возвращаются, лезут туда, откуда едва выбрались, потому что обычный человек не умеет остановиться возле невозможного. Мы закрывали им дорогу. Я думал, что даем возможность жить дальше.

— А человек сам решать не мог?

— Иногда уже не мог.

— Зато Цензор мог решить за всех!

— Мы не знали другого способа!

— Батьков находит.

— У вас есть полк! — отрезал Климов. — Есть Главный, Смотрящий, Ключник, Дозор и люди, которые держатся друг за друга. После смерти Сотника у нас ничего этого не осталось!

Добрыня смотрел на него и видел, как путь за спиной

Алексея рвется сразу в нескольких местах. Один уводил к Волковой, второй к Веденееву, третий тянулся в прошлое, куда Горский пока не мог заглянуть, а самый глубокий по-прежнему вел к человеку, которого Климов называл Цензором. Алексей ненавидел этот путь и все равно стоял на нем обеими ногами.

— Остался Смотрящий, — сказал Добрыня.

Климов вскинул голову.

— Остался.

— И ты пошел за ним. Потому что верил ему?

— Потому что он был Смотрящим.

— Это не ответ.

— Для тебя уже нет. Для нас тогда был.

Алексей отошел от окна, прошел несколько шагов по коридору и остановился. Уходить он не собирался, просто больше не мог стоять на одном месте, пока Горский один за другим вытаскивал вопросы, на которые Климов сам себе не отвечал десятилетиями.

— Смотрящий второй после Главного, — сказал он, не оборачиваясь. — Он видит то, чего не замечают остальные, первым находит ложь и угрозу. Если Главный ошибается, Смотрящий обязан сказать. Если Главного нет, он не занимает его место, но не дает полку ослепнуть. Мы все знали это с детства.

— И поэтому после смерти Сотника ты пошел за моим отцом.

— Да.

— А когда он начал лезть людям в память, тебя ничего не смутило?

— Его дар работал с памятью. Тогда я еще верил, что это и есть его сила.

— А теперь?

Климов повернулся. Несколько секунд он просто смотрел на Добрыню, потом усмехнулся и провел ладонью по шраму.

— Теперь его родной сын стоит передо мной, видит решение раньше, чем я сам признаю, что его принял, и называет мое место в полку, о котором никто ему не рассказывал. Вот так работает настоящий Смотрящий.

Добрыня почувствовал, как обрывок памяти снова толкнулся изнутри, но удержал его за закрытой дверью. Сейчас важнее было то, что происходило перед ним.

— А мой отец?

Климов вернулся к окну, но на этот раз не стал смотреть во двор, уперся ладонями в подоконник, опустил голову и несколько раз провел большим пальцем по облупившейся краске.

— Твой отец знал больше любого из нас. Он собирал дела, помнил каждую тварь, каждое место, все старые способы. Мог связать два убийства, между которыми прошло десять лет, найти человека по одной фотографии и заранее понять, куда полезет полиция. Я принимал знания за силу. Все принимали.

— Волкова не принимала.

— Варя ушла.

Имя вырвалось раньше, чем Климов успел остановиться. Он закрыл глаза, сжал подоконник и продолжил:

— Она сразу сказала, что ему не верит. Веденеев не пошел. Михаил тоже. А я пошел и сорок лет доказывал себе, что выбрал людей, а не человека.

— Пока человек не приказал их убивать.

Алексей выпрямился.

— Да.

— Когда?

— Первый приказ был на Батькова и тебя.

Добрыня шагнул к нему.

— На меня?

— На вас обоих.

— Он приказал убить родного сына?!

— Да...

Климов произнес это и сразу отвернулся, но Горский уже увидел, как его повело. Алексей ухватился за подоконник, постоял так, затем оттолкнулся и прошел мимо Добрыни к стене.

— С кого сказал начать?

Климов остановился.

— Неважно.

— С кого?

— С тебя.

Добрыня рассмеялся, хотя ничего смешного не услышал. Смех закончился кашлем, в виске дернуло, и пришлось упереться ладонью в стену.

— Ну, конечно! Какая неожиданность!

Климов шагнул к нему, но Горский выставил руку.

— Не трогай меня.

— Тебе надо сесть.

— Обойдусь. Что ты сделал, когда он приказал убить меня?

— Не выполнил приказ.

— Я вижу. Я пока живой. Что ты сделал?

Климов посмотрел на его руку, преграждавшую дорогу, и отступил.

— Решил вам помочь.

— Как?

— Тянул время. Выводил тех, кого посылали следить. Оставлял то, что ты мог заметить, если дар продолжит просыпаться.

— Великодушно.

— Я не прошу меня благодарить!

— А чего ты просишь?

— Ничего!

Климов шагнул к нему, и теперь между ними осталось меньше вытянутой руки.

— Думаешь, я не понимал, что будет, если Цензор отдаст приказ другому? Мне нужно было оставаться рядом, согла-

шаться, докладывать и каждый раз находить причину, почему вы до сих пор живы. Одна ошибка, одно открытое предупреждение — и он передал бы зачистку человеку, который не стал бы ждать, пока ты что-нибудь увидишь!

— Поэтому ты продолжал ему служить.

— Поэтому вы остались живы!

Добрыня не отступил. Дар проходил через каждое слово Климова, находил страх, вину, ярость на Цензора и на самого себя, но лжи не было. И это бесило. Тот действительно оставался рядом с человеком, приказавшим убить родного сына, чтобы этот приказ не достался другому исполнителю. И все же путь к Цензору не исчезал.

— Папка Жидкова, — сказал Климов и отошел немного.

— Я передал ее Дозору.

Добрыня вспомнил фотографии завала на столе Волковой, замененные документы и ее слова о человеке, который еще помнит, кто он. Тогда она не назвала источник, а после отказалась отвечать, откуда узнала о списке.

— Так это был ты?

Климов снова повернулся к окну.

— Ты отдал ей папку и продолжил приходить к Цензору с докладами.

— Да.

Плечи Алексея напряглись.

— Соврал Смотрящему?

— Соврал.

— И он не увидел.

Климов застыл. Добрыня почувствовал, как весь путь между ним и Цензором дернулся, открылся на мгновение и сразу снова закрылся. Алексей медленно повернулся, но возражать не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.